

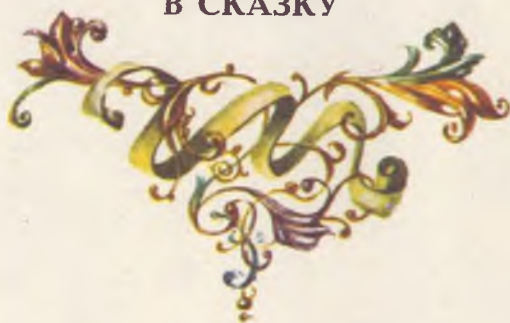

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В СКАЗКУ**

Путешествие В Сказку

Составитель
А. ФИЛИПОВ

Художник
А. ДИАНОВ

Издательство ТОО «Кристина»

1992

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЁРНЫЙ БЫК НОРРОУЭЙСКИЙ
английская сказка
7

ГАМБАР
армянская сказка
13

ДЕВУШКА-ЗВЕЗДОЧКА
болгарская сказка
23

МАТТЕО И МАРИУЧЧА
итальянская сказка
43

ТУХКИМУС
карельская сказка
53

МОРСКАЯ НЕВЕСТА
латышская сказка
65

ЗАКОЛДОВАННЫЙ БОРОВ
румынская сказка
77

МУДРАЯ ЖЕНА
русская сказка
93

ДЕВУШКА-ХВОЩИНКА
якутская сказка
103

ЧЁРНЫЙ БЫК НОРРОУЭЙСКИЙ

английская сказка

ил некогда король, и было у него три дочери. Старшие дочери были очень некрасивые и к тому же гордячки, а младшая — такая красавица, такая кроткая, что не только родители, но и все люди в королевстве не могли на неё нарадоваться.

И вот раз вечером сидели все три принцессы вместе и говорили о том, за кого им хотелось бы выйти замуж.

— Я бы пошла только за короля,— молвила старшая принцесса.

Средняя принцесса сказала, что выйдет замуж только за принца или герцога.

— Ах, какие вы гордячки! — рассмеялась младшая. — А я бы согласилась пойти хоть за Чёрного Быка Норроуэйского!

И больше принцессы об этом не говорили. А на другое утро только они сели завтракать, как за дверью раздался страшный рёв — это Чёрный Бык Норроуэйский явился за своей невестой. Ну и перепугались все во дворце! Ведь Чёрный Бык был страшилище из страшилищ.

Король с королевой не знали, как спасти дочь. Наконец они решили подменить невесту и вывели к чудовищу старуху-птичницу. Посадили её Быку на спину, и тот умчался с ней прочь.

Вот Бык прибежал в дремучий лес, сбросил свою ношу на землю и увидел, что невесту подменили. Тогда он помчался обратно и ворвался во дворец с ещё более громким и свирепым рёвом. На этот раз король с королевой вывели к нему служанку, но им опять не удалось его обмануть.

Одну за другой отдали они Быку всех служанок, а потом и двух старших дочерей, но и с ними Бык обошёлся не лучше, чем со старухой-птичницей. Волей-неволей пришлось королю и королеве отдать ему свою младшую, любимую дочь.

Далеко унёс её Чёрный Бык. Мчался он дремучими лесами и безлюдными пустошами, пока не прибежал наконец к богатому замку, где в это время собралось много гостей. Владелец замка удивился, когда увидел на спине у страшного быка прелестную принцессу, однако пустил их в замок. Когда все сели за стол, принцесса заметила в шкуре Чёрного Быка булавку и вытащила её.

И вдруг дикий зверь превратился в прекрасного юношу!

Велика была радость принцессы, когда юноша упал к её ногам и стал благодарить её за то, что она рассеяла злые чары и расколдовала его; да и все в замке ликовали и веселились. Но, увы! В самый разгар веселья юноша исчез. Обыскали все углы и закоулки, но так его и не нашли.

Только что принцесса себя не помнила от счастья, а теперь сердце у неё разрывалось от горя. И вот она решила обойти хоть весь свет, но найти прекрасного юношу.

Много путей и дорог исходила она, но долго, очень долго ничего не слышала о своём любимом.

И вот как-то брела она тёмным лесом и заблудилась. Спустилась ночь, и принцесса решила, что пришла её смерть: или в лесу замёрзнет, или с голоду умрёт. Но вдруг она заметила между деревьями огонёк. Пошла на этот огонёк и увидела маленькую хижину. В хижине жила старенькая старушка. Старушка пригласила её зайти, покормила и оставила ночевать.

Наутро старушка дала девушке три ореха и молвила:

— Не разбивай их, пока тебе самой горе чуть не разобьёт сердца!

Потом показала принцессе дорогу и пожелала ей удачи.

И вот опять принцесса отправилась в путь. Вскоре мимо неё проехало несколько дам и кавалеров, и все они весело болтали о том, как будут праздновать свадьбу герцога Норроуэйского. Потом девушка нагнала ещё каких-то нарядных людей. Они тоже торопились на свадьбу герцога и чего только не несли с собой!

Наконец принцесса добралась до замка, где толпы поваров и пекарей озабоченно сновали взад-вперед, не зная, за что взяться сначала. Пока принцесса стояла и смотрела на них, за её спиной раздался шум. Это вернулись с охоты знатные гости, и один из них крикнул:

— Дорогу герцогу Норроуэйскому!

И мимо принцессы промчались... её возлюбленный и прекрасная леди.

Тут принцесса почувствовала, что горе вот-вот разобьёт ей сердце, но она вспомнила наказ старушки и разбила один орех. И тотчас из него вышла крошечная фея; в руках у нее была шерсть, которую она принялась расчёсывать.

Принцесса поспешила в замок и спросила разрешения повидать прекрасную леди. Как только леди увидела крошечную фею, которая продолжала с усердием работать, она сказала, что ничего не пожалеет, лишь бы получить её.

— Я подарю её вам,— молвила принцесса.— Но с одним условием: отложите на один день вашу свадьбу с герцогом Норроуэйским и позвольте мне ночью войти в его комнату и посидеть у его постели.

Прекрасной леди так хотелось получить чудесный орех с маленькой феей, что она согласилась. И когда настала темная ночь и герцог крепко заснул, принцессу впустили к нему в опочивальню. Она села у его постели и запела:

Долго я искала тебя.
И теперь я возле тебя.
Герцог Норроуэйский!
Проснись и взгляни на меня!

Она всё пела и пела свою песню, но герцог не просыпался. А утром принцессе пришлось уйти, и он так и не узнал, что она была в его спальне.

Тогда принцесса расколола второй орех. Из него вышла крошечная фея с прялкой. Она так понравилась прекрасной леди, что та охотно согласилась отложить свадьбу ещё на день, лишь бы получить и этот орех с маленькой феей.

А принцессе и в эту ночь не удалось разбудить герцога. В отчаянии расколола она последний орех. Из него опять вышла крошечная фея и стала быстро-быстро наматывать шерсть на катушки.

Прекрасная леди получила и этот орех и согласилась отложить

свадьбу ещё на день и позволила девушке провести ещё одну ночь в спальне герцога.

Но в это утро, когда герцог одевался, слуга спросил, что за странная песня и плач доносились из его спальни в последние две ночи?

— Я ничего не слышал,— сказал герцог.— Тебе, наверное, померещилось.

— А вы примите на ночь какое-нибудь снадобье, чтобы не заснуть,— посоветовал слуга.— Тогда тоже услышите песню и плач. Мне они вот уже две ночи как не дают спать.

Герцог послушался совета слуги. А принцесса ночью опять вошла к нему и села у его постели. Она тяжело вздыхала и думала, что видит его в последний раз. Но только герцог услышал голос своей возлюбленной, как тут же вскочил. Он очень обрадовался, что принцессе удалось его найти, и рассказал ей, что его заколдовала волшебница и злыми чарами заставила обручиться с ней.

— Но теперь её чары рассеялись,— молвил он,— потому что мы с тобой опять вместе.

Принцесса была очень счастлива, что ей ещё раз удалось расколдовать герцога, и согласилась выйти за него замуж. А злая волшебница, испугавшись герцогского гнева, покинула навсегда его страну, и больше никто о ней ничего не слышал.

В замке стали спешно готовиться к свадьбе, сыграли её, и тем счастливо закончились приключения Чёрного Быка Норроуэйского и странствия младшей дочери короля.

ГАМБАР

армянская сказка

ила-была женщина. Был у неё единственный сын по имени Гамбар. Жили они в горькой нужде. Каждый день брал Гамбар верёвку, шёл в поле собирать колючки да пырей, нёс на базар и продавал их за медные гроши, а на вырученные деньги покупал хлеба.

Как-то понёс Гамбар продавать пырей на площадь перед царским дворцом. Глядит царская дочь из окна на лохмотья Гамбара и говорит отцу:

— Бедный парень, была бы у него жена, разве он ходил бы таким ободранным?

Царь рассердился, но не проронил ни слова, позвал к себе назир-визиров.

— Идите,— говорит,— позовите продавца пырея ко мне.

Назир-визирь пошёл за Гамбаром. Сильно струсил Гамбар, все не мог понять, чего царю от него надо.

Вошёл он в палаты, поклонился царю и стал в сторонке.

— Эй, парень,—говорит царь,—позвал я тебя сюда, чтобы дочь свою выдать за тебя. Женишься?

Остолбенел Гамбар... Не ослышался ли он?! Тут заговорила царская дочь:

— Послушай, парень, чего ты растерялся? Коли мои родители отдают свою дочь за тебя, чего же ты боишься? Сватайся ко мне.

Семь дней, семь ночей справляли свадьбу. Взял Гамбар царскую дочь и привёл в свой дом:

Как вошли в дом, Гамбар сказал матери:

— Матушка, царь выдал за меня свою дочь. Вот твоя сноха, подстели ей что-нибудь, пусть присядет.

В доме была нищета: стены почернели от кизячного дыма, грязь, нигде не видно даже куска паласа. Валяются две козьи шкуры, да и те все в дырах: ведь мать Гамбара латала ими одежду. Одну из этих драных шкур она и подстелила, чтобы царская дочь села.

Села дочь царя, осмотрелась и поблагодарила бога. Знать, говорит, судьба моя такова.

Она отрезала от своего платья кусок лоскута, залатала одежду Гамбара, почистила её, привела в порядок. На другой день Гамбар опять пошёл в поле собирать пырей да колючки и опять понёс продавать на площадь перед царским дворцом. Смотрит царь из окна, видит—и вправду сегодня у Гамбара одежда не так уж обтрёпана.

Когда вечером Гамбар вернулся домой и жена увидела его исколотые шипами руки, сердце у неё защемило от жалости.

— Послушай,—говорит она,—это не житьё: целый день маешься среди камней гремучих да песков сыпучих; ползаешь по-змеиному, воду пьёшь из лягушачьего болота, а всё без толку, вся прибыль—медные гроши. Не лучше ли тебе поискать другое дело? Иди ты в услужение к людям, будь подёнщиком, может, и нам что-нибудь перепадёт.

— Хорошо, жена, как велишь, так и сделаю.

Чуть свет Гамбар встал и пошёл на базар. «Наймут, думает, подёнщиком или пойду на месяц-два в услужение».

Ходит, ходит он по базару, то у одного спросит, то у другого. Вдруг какой-то купец подходит к Гамбару и спрашивает:

— Эй, парень, пойдёшь ко мне в услужение?

— Отчего же нет,— отвечает Гамбар,— за этим я и пришёл сюда. А сколько ты мне будешь платить в год?

— С честной выручки — одну мерку, с нечестной — две мерки,— говорит купец.

— Хорошо, спрошу жену,— говорит Гамбар.

Возвращается Гамбар домой, рассказывает жене:

— Один купец хочет нанять меня и обещает платить с честной выручки одну мерку, с нечестной — две. Не знаю, как быть.

— На нечестную выручку не соглашайся, если даже он пообещает тебе десять мерок, с честной выручки бери одну мерку.

— Пойду наймусь, купец собирается в далёкие страны за товаром.

Простившись с женой, отправился Гамбар к купцу:

— Здравствуй, купец, будешь платить мне с честной выручки, послужу тебе и за одну мерку.

— Ладно,— говорит купец,— пусть будет по-твоему.

И вот собрался Гамбар в дорогу: перевязал тюки, навьючил мулов и вместе с купцом пустился в путь. Ехали они долго и наконец добрались до пустыни.

Тут купец говорит Гамбару:

— Остановимся у этого колодца; и мулов напоим-накормим, и сами поедим да отдохнём.

Развьючили они мулов и принялись за еду. Когда поели, купец спрашивает Гамбара:

— Можешь спуститься в этот колодец за водой, чтобы напоить мулов?

— Могу,— отвечает Гамбар.

Его обвязали верёвкой и спустили в колодец. Висит Гамбар в колодце, черпает воду и подаёт наверх. И так до тех пор, пока не напоили всех мулов.

Тогда Гамбар крикнул из колодца:

— А теперь спустите верёвку, вытащите меня наверх!

Спустили в колодец верёвку. Только Гамбар хотел обвязаться верёвкой, кто-то хватъ его за полу чухи¹ и не отпускает. Удивился Гамбар. Обернулся, видит на дне колодца две открытые двери. Глядит в одну — лежат трупы без голов. Глядит в другую — от-

¹ Чуха́ — верхняя одежда.

рубленные человечесьи головы. Тут же — три девицы неземной красоты, сидят и вышивают на пальцах. Около них на серебряном подносе Лягушка, а рядом стоит молодой красавец, глаз не может от неё отвести.

— Парень, — спрашивают Гамбара красавицы, — скажи нам правду, кто из нас лучше — мы или рябая Лягушка? Почему этот парень никак на неё не наглядится.

— Что мне сказать? — отвечает Гамбар. — Любимая всегда кажется красивей.

Только успел он это вымолвить, как Лягушка лопнула, сбросила кожу и обернулась девушкой такой красоты, что затмила всех трёх.

— Что за притча? И что это за трупы да головы? — спрашивает Гамбар у парня.

— Эх, братец, — говорит парень, — уже сорок лет, как я сижу в этом колодце: сколько людей побывало здесь, и ни один не сумел ответить, как ты: «Любимая всегда кажется красивей». Вот мы и сносили им головы. Ну, а теперь, — говорит он красавицам, — несите ему награду за мудрый ответ.

Девушки принесли по спелому гранату и подали Гамбару. Только они успели передать ему гранаты, как двери захлопнулись. Гамбар положил в карман гранаты и крикнул:

— Тащите меня теперь.

Ну и обрадовался купец, услышав голос Гамбара. Стал благословлять господ бога за то, что слуга его целым и невредимым выбрался из колодца. Ведь сорок раз подряд купец нанимал слуг, и все они один за другим исчезали в этом колодце.

Подняли Гамбара на веревке, ничего он не рассказал купцу о том, что видел и слышал в колодце. Снова навьючили мулов и пустились в путь-дорогу. Едут они, едут, видят — навстречу им другой караван. Идёт этот караван в родные края Гамбара. Узнаёт Гамбар среди погонщиков парня-односельчанина.

— Куда это вы? — спрашивает Гамбар.

— В наше село, — отвечает парень.

— Ну, тогда сделай милость, — говорит Гамбар, — возьми эти три граната, отдай моей жене.

— Не велик труд, давай отвезу, — говорит парень.

Берёт он гранаты, кладет за пазуху и, распрощавшись, пускается в дорогу. Путь его караван держит в одну сторону, Гамбара — в другую.

Пусть едут они своей дорогой, а мы воротимся к жене Гамбара.

Была она беременна, и ей очень хотелось отведать граната,

но негде было достать. Однажды кто-то постучал в калитку. Вышла жена Гамбара и видит соседского сына.

— Здравствуй, сестрица, бери гранаты. Гамбар повстречался в пути, велел тебе передать, сам он жив-здоров, кланялся тебе.

Взяла жена Гамбара гранаты и вошла в дом.

«Дай-ка,— думает, — разрежу гранат, попробую на вкус».

Разрезала—и что же видит? В гранате полно бриллиантов, жемчуга—словом, каких только не было там драгоценных камней! Гамбарова жена не знала от радости, что и делать. Ведь в доме такая нужда! Тотчас понесла она драгоценный камень на базар к меняле, продала его и на вырученные деньги купила кое-что для

дома. Понемногу и остальные камни отправила на базар, распродала их, построила новый дом, убрала его, накупила коров, овец—словом, всего припасла к приезду Гамбара. А сама вскоре родила сына всем на загляденье.

Оставим пока её и вернёмся к Гамбару.

Шёл караван Гамбарова купца, шёл и наконец добрался до краёв, где находился дом купца. Семнадцать круглых лет прослужил Гамбар у этого купца.

И вот однажды снова говорит купец Гамбару:

— Собирайся, Гамбар, в дорогу, надо снова ехать за товаром.

Как услышал Гамбар, обрадовался, ног под собой не чует. «Ведь придётся ехать через родные места. Наверное, удастся,— думает он,—заглянуть домой, жену повидать». Собрался Гамбар в дорогу, связал тюки, навьючил мулов, и пустились они в путь-дорогу. Едут они, едут, много ли, мало ли—бог весть, едут днем, едут ночью и добираются до того самого колодца, куда уже раз спускался Гамбар за водой. Снова он спустился в колодец, достал воды для мулов, но уже ни красавиц, ни отпертых дверей—никого и ничего там не было. Отдохнули у колодца они, поели и пустились в путь. Едут они, едут, день едут, два, три—словом неделю, наконец доезжают до границы Гамбарово́й страны.

Тут они сняли вьюки с мулов, чтобы передохнуть да поесть, а там и дальше отправиться. Смотрят — большое стадо овец пасётся. Подходит Гамбар к стаду.

— Здравствуй, брат пастух,— говорит он.

— Храни тебя господь, брат путник,— отвечает пастух.

— Не из такого-то ли ты села? — спрашивает Гамбар.

— Да.

— Не слышал ли ты про странника Гамбара, может, знаешь что-нибудь про его семью?

— Как не знать, это же его стадо, а я его пастух.

— Чей ты пастух? — удивился Гамбар.

— Да того самого продавца пырея, за которого царь, рассердившись, отдал дочь свою.

Гамбар призадумался: что за притча, кто такой этот богач Гамбар? О ком толкует пастух? Отошёл Гамбар от пастуха, вернулся к каравану. Поели, навьючили мулов и пустились в путь прямо в Гамбарово село. То и дело они встречали стада овец и коров. Кого ни спросит Гамбар: «Чьё это стадо?» — «Гамбарово», — отвечают все.

Диву даётся Гамбар. «Что за притча? — думает он. — Неужели жена так разбогатела, что завела такое хозяйство?» Думал он, раздумывал и ехал своей дорогой. Наконец дошёл караван до родного села. Тут Гамбар отпросился у хозяина навестить домой.

— Иди,— говорит ему купец.

Наш Гамбар рад-радехонек, спешит на свою улицу, ходит взад-вперёд — не находит родного дома. Раз десять прошёл вверх по улице, потом вниз и всё не может найти своего жилья, потому что на месте старого домика стоит дом невиданной красоты. «Дай,— думает,— зайду да расспрошу, может, что узнаю про жену». Входит он во двор. Видит — у окна сидит его жена, а возле неё пригожий юноша. Мирно беседуют. Тихонько подходит Гамбар к окну, хочет подслушать разговор.

Говорит жена юноше:

— Ах, дитя моё, свет моих очей, коли вернётся твой отец и увидит тебя такого большого, до чего обрадуется.

— Эх, матушка,— отвечает юноша,— с малых лет только и слышу от тебя об отце, а его всё нет. Я все глаза уже проглядел.

— Сын мой, бог милостив. Был бы отец только здоров, а уж когда-нибудь вернётся.

Тут Гамбар не утерпел, вошёл в дом. Мать с сыном так и застыли на месте, глядя друг на друга.

— Не узнаёте меня? — спрашивает отец. — Ведь я Гамбар.

Только успел это вымолвить, как мать с сыном кинулись обни-

мать его. Жена от радости рыдала и долго не могла успокоиться. Сели они, поговорили ласково. Жена накрыла на стол, ели, пили досыта да славил бога.

— Послушай, жена,—говорит Гамбар,—откуда взялось это богатство, как ты построила такой дом, обзавелась стадами?

— Да вот,—говорит жена,—разрезала я один из трех гранатов, что прислал ты мне, и вижу—полно в нём жемчуга, бриллиантов да разных других драгоценных камней. Отправила я камни на базар к меняле, продала их и на вырученные деньги построила этот дом, завела хозяйство.

Пошла жена, принесла второй гранат, подала Гамбару. Гамбар взял гранат, разрезал. И что же видит? Полно в нём драгоценных камней, жемчуга, бриллиантов. Обрадовался, ног не чувствует под собой. Тут он сел, да всё, что с ним приключилось, и рассказал жене.

— Коли так, жена, зачем же мне теперь быть в услужении? Пойду-ка я к хозяину и попрошу его, чтоб он нашёл себе другого работника.

— Конечно,—говорит жена,—хватит, сколько терпели, сколько дней и ночей провела я в тоске, сколько чёрных дней видела, поживём теперь и для себя, безбедно и спокойно.

Гамбар пошёл к купцу.

— Хозяин, рассчитай меня, я хочу заняться своим делом.

— Как знаешь,—говорит купец,—столько лет служил мне правдой, не могу пожаловаться, но коли теперь уж больше не хочешь оставаться у меня, дело твоё, иди, бог с тобой.

Купец заплатил ему всё, что полагалось, и отпустил.

Гамбар распрощался с купцом и рад-радехонек пришёл домой.

Пришёл домой и спрашивает жену:

— А скажи-ка, жена, после того, как я уехал, царь не справлялся о тебе, не интересовался, как ты живёшь?

— Нет,—говорит жена,—заупрямился, видно, ни разу не спросил. Но я задумала,—говорит жена,—как только ты воротись, позвать отца с его назир-визирами к нам в гости. Кто знает, может, он думает, что мы уже умерли с голоду.

— Это ты хорошо придумала, жена, приготовься, завтра же пригласим царя в гости.

— Зови,—говорит жена,—может, он нас и не узнает.

Жена Гамбара обрадовалась, живо взялась за дело—а дом у неё, слава богу, полная чаша—и быстро приготовила богатое угощение.

Назавтра Гамбар пошёл приглашать царя в гости. Царь вместе

со своими назир-визирами пришёл к ним в дом. Угостили царя на славу, поели, попили, попиrowали.

В самый разгар веселья жена Гамбара спрашивает царя:

— Государь, сказывают, была у тебя дочь, что с ней случилось?

— Да что,— говорит царь,— был такой продавец колючек, приглянулся он моей дочери, рассердился я и выдал её за него замуж. Теперь, как вспомню дочь, так и берёт меня тоска: своими руками загубил её, своими глазами и оплакиваю. Каюсь теперь, бьюсь головой об стену, да всё напрасно. Не знаю даже, жива ли она или, может, с голоду померла? Ах, увидеть бы её хоть разок, тогда и горя бы мало...

Тут жена Гамбара не стерпела, бросилась отцу на шею.

— Я твоя дочь,— говорит,— разве ты меня не узнаёшь? А это мой сын, а вот это—мой муж, тот самый продавец колючек. Говорила же я тебе, что человек он толковый, а ты мне не верил. Теперь видишь, сколько добра он нажил честным трудом?

Царь диву даётся, смотрит на них, не верит глазам своим. И кажется ему, будто всё это он видит во сне.

Тут снова все запиrowали, началось веселье с зурной и дапом¹ до самого утра.

Дождались они своего счастья.

Дождаться и вам вашего.

¹ Зурна́, дап — музыкальные инструменты.

ДЕВУШКА-ЗВЁЗДОЧКА

болгарская сказка

I

ы помнишь дремучий тёмный лес за селом Чичопей, куда прошлым летом мы с тобой ходили за грибами? А солнечную полянку у самой опушки, куда мы всегда забредали отдохнуть на прогревом солнцем ковре из пахучих трав?

Много-много лет тому назад на эту пестроцветную полянку пригоняла свою небольшую отару овец бедная пастушка со своей годовалой дочкой. Овцы мирно щипали зелёную мураву. Мать, взяв в руки расписное веретено, пряла тонкую пряжу, а девочка лежала неподалеку в легкой кружевной тени двух березок смирно, точно сытый ягнёночек, и смотрела на пушистые облака, которые скользили по синему шёлку летнего неба, как быстроходные кораблики.

Так проходили день за днём. Ничто не нарушало лесного покоя... Но однажды—это было в конце лета—из тёмного леса на полянку нежданно-негаданно вышли олень с оленихой. На лбу у них сверкало по золотой звезде. Легконогие животные в несколь-

ко прыжков пересекли полянку и остановились над березами, где лежала девочка. Олень наклонил голову, вскинул ребёнка на рога, и через секунду они с оленихой скрылись в лесной чаще, унося свою добычу.

Всё это произошло так быстро, что мать девочки и ахнуть не успела. Глядя на раскачивающиеся ветки деревьев, за которыми исчезли олени с её ребёнком, бедная женщина громко заплакала, запричитала. На её крик прибежали охотники. Три дня и три ночи бродили они по лесу в поисках оленей, укравших младенца, но тех и след простыл.

А сейчас ты узнаешь, что стало с оленями и девочкой.

Как только олень и олениха очутились в лесной чаще, они не разбирая дороги, помчались туда, где в далёкой дали чернели, громясь друг на друга, мрачные Железные скалы... В первый день похитители пересекли дубовый лес. На второй день стук их копыт с утра до вечера оглашал буковый лес, где деревья стояли прямые, как свечи. А на третий день они очутились в царстве вечнозелёных великанов и, тяжело дыша, остановились перед входом в пещеру у подножия Железных скал.

Странная это была пещера!..

Снаружи, сколько бы ни всматривался человек, ничего нельзя было увидеть, кроме густых зарослей ежевики. Олень трижды стукнул передним копытом, и зелёный колючий занавес тут же раздвинулся, будто по мановению чьей-то невидимой руки, обнажив тяжёлую дверь из твёрдого, как камень, красного дерева, вмурованную в серые скалы... Олени вошли в эту дверь. В пещере было светло, как днём, потому что с белого мраморного потолка свешивались семь золотых ламп, в которых горели круглые сутки семь драгоценных камней.

Глаза девочки в лучах драгоценных камней засверкали, словно звёздочки. Олень и олениха заметили это и назвали ребёнка Лулу-Сана, что на их оленьем языке означало Девочка-Звёздочка. Они стали холить малютку и пестовать не хуже, чем мы, люди, пестуем своих маленьких детей... Олениха кормила её сладким молочком, а олень носил из леса ароматные плоды. Они купали её в пенистых лесных потоках, одевали в наряды, сотканые из мягких, как шёлк, лесных трав. И Звёздочка росла, окружённая заботой, как цветок на солнце, с каждым годом становясь всё краше. А когда ей исполнилось семнадцать лет, во всём мире нельзя было найти другую такую красавицу: волосы её золотой волной спускались до самой земли, губы алели на белом личике, словно две ягодки малины, омытые росой.

Как-то раз олениха сказала оленю:

— Дочка-то наша уже выросла, скоро начнут сваты наведываться. Как мы будем их встречать без обручального кольца! Я слыхала, что далеко-далеко, за девятью горами, на самой высокой вершине десятой, Стекло́нной, горы в золотом роднике спрятан бриллиантовый перстень, который сверкает, будто месяц... Давай отыщем этот перстень и подарим его нашей Звёздочке!

— Будь по-твоему! — согласился олень.

На следующее утро олени попрощались с Лулу-Саной и помчались на своих быстрых стройных ногах к Стекло́нной горе — искать бриллиантовый перстень для своей любимой приёмной дочери.

II

В этом же лесу, где находилась оленья пещера, жила злая колдунья. Она давно уже присмотрела Звёздочку себе в невестки. Узнав, что олени отправились в дальнюю дорогу и не скоро вернуться домой, она решила выманить девушку из пещеры

и выдать замуж за своего сына, двухголового великана, ужасное страшилище.

Сказано — сделано.

Однажды вечером хитрая старуха пробралась к дверям пещеры, постучалась в них и крикнула тонким голосом:

— Звёздочка, детка, открой!.. Это я, олениха, твоя мама, несу тебе в подарок бриллиантовый перстень со Стекло́нной горы.

— Зря ты надрываешься, бабушка! — отозвалась Лулу-Сана, узнав обманщицу по голосу. — Мама моя говорит, словно голубка воркует, голос у неё ласковый-ласковый. А у тебя, бабушка, как ни старайся, голосище, как у голодного волка... Уходи, я тебя не впущу, ты не с добром ко мне пришла!

Колдунья поняла, что проникнуть в пещеру хитростью ей не удастся, и решила ворваться туда силой. Она засучила рукава и принялась швырять в дверь чем попало.

Целую неделю ломилась колдунья в пещеру, но тяжёлые двери оказались прочными, не поддались.

Под конец старуха свалилась с ног от усталости и злобно прошипела:

— Видно, упрямица, тебе не суждено стать женой моего сына. Погоди же, я сделаю так, что ты не достанешься и другому.

И прежде чем удалиться ни с чем в свою берлогу, колдунья приклеила к щеколде змеиный зуб...

На другой день, рано поутру, убедившись, что злая старуха наконец-то ушла, Звёздочка собралась с духом, отперла дверь, ведущую в пещеру, и вышла на лужайку. Завидев девушку, к ней со всех ног бросилась целая стая зайцев, серн и белок. Они окружили свою любимую подружку и наперебой стали просить, чтобы она поиграла с ними.

— Сестричка, мы первые! — нетерпеливо перебирая лапками, лопотали длинноухие зайцы. — Мы первые увидели, что ты вышла из пещеры, и первыми подбежали к тебе!

— Нет, сначала поиграй с нами! — ласково упрашивали

большеглазые серны.—Мы послушнее зайцев, не будем тебя сердить!

— Нет,—пищали прямо в уши белочки, забравшись девушке на плечи,—ты сегодня не будешь играть ни с зайцами, ни с сернами, мы будем качаться на деревьях, Лулу-Сана! Ты так проворно прыгаешь с дерева на дерево. Никто, кроме нас, не может тягаться с тобой.

Звёздочка ласково дёргала зайцев за длинные уши.

Гладила серн по умным головкам.

Прижимала к груди пушистых белочек.

И, звонко смеясь, говорила:

— Погодите, не горячитесь. Я поиграю с вами, зайцы, и с вами, серны, и с вами, белочки... На всё хватит времени — ведь летний день долог, как год!

Звёздочка побежала в лес и целый день резвилась со своими четвероногими друзьями.

Она носилась с зайцами по лесным полянкам, поросшим травой-муравой.

Гонялась за сернами среди тонкоствольных деревьев.

Качалась на верхушках сосен с белочками. Летний день пролетел незаметно, как одно мгновение.

Солнце клонилось к закату. В горных ущельях проснулся лёгкий вечерний ветерок. Где-то в чаще завыл голодный волк... Лулу-Сана, услышав волчий вой, вспомнила наказ матери не оставаться после захода солнца в лесу и тут же пустилась бежать к двери, ведущей в оленьё жилище.

Она погладила зайцев по головкам.

— До завтра, милые!

Помахала рукой белочкам, которые свешивались с нижних веток деревьев и протягивали к ней свои мохнатые лапки.

— Ждите меня завтра рано утром, шалуны-подружки...

Только сернам не успела Звёздочка сказать на прощание ни слова.

Повернувшись к ним, она взялась рукой за щеколду, и змеиный зуб тут же впился в её нежную ладонь. Девушка рухнула на землю как подстреленная птичка. Ласковое слово замерло у неё на устах.

III

На следующее утро, как это всегда случается в лесу в ясные летние дни, солнце разбудило всех обитателей ни свет ни заря. До позднего вечера лес оглашался беспечными песнями птиц, благоухал ароматом распустившихся цветов. Над лесными полянами летали без усталы пчёлы; по стволам деревьев, усердно стуча клювами, прыгали пёстрые дятлы. Где-то вдалеке грустно куковала кукушка. Радостно чирикали проворные воробушки... Одна только Лулу-Сана безмолвно лежала возле пещеры с закрытыми глазами, ни разу не улыбнувшись зайцам, белочкам и сернам, которые стояли возле неё, как на посту, ни на миг не отводя печальных глаз от своей милой подружки.

Лулу-Сана была безмолвна и неподвижна...

Так прошло девять дней и девять ночей.

На десятый день где-то неподалёку вдруг залаяли собаки, зазвучали охотничьи рога. Не успели звери, караулившие бездыханную девушку, понять, что произошло, как их окружили всадники под водительством красивого юноши, с ног до головы одетого в парчу, золото и шёлк.

Охотники, увидев так много дичи, с радостными криками стали целиться из луков в зайцев, белочек и серн. Но прежде чем стрелки успели выпустить смертоносные стрелы, их молодой предводитель увидел лежащую на траве золотоволосую девушку и крикнул:

— Погодите, не стреляйте. Там лежит девушка!..

Красивый юноша слез с коня и одним прыжком очутился возле бездыханной Лулу-Саны... Склонившись над ней, он коснулся рукой её белого, как мрамор, безжизненного лица, погладил по распущенным золотым волосам. Приблизил свои губы к её крохотным устам, целых девять дней и ночей не издававшим ни звука, и из его груди вырвался горестный крик:

— Она мертва... Красивее девушки я не видел на белом свете!..

Всадники молча спешили, обступили девушку и, потрясённые её красотой, преклонили колени перед её безжизненным телом. В ту минуту лес умолк, будто вымер. Перестали шелестеть листья на деревьях и кустах; уронили головки, словно побитые

морозом, цветы на лесных полянках. Смолкли голоса птиц, перестали стучать клювами неугомонные дятлы. Притихли на цветах работающие пчёлы, замерло кукованье кукушек. Даже непоседа ветер сложил свои невидимые крылья в глухих оврагах.

Кто знает, сколько времени длилось бы это скорбное безмолвие, если бы один из охотников не сказал опечаленному юноше:

— Ваша светлость, обратите внимание на эту чёрную занозу. Уж не в ней ли причина смерти?

И все заметили, что из ладони правой руки Лулу-Саны торчит чёрная заноза — это был змеиный зуб, подсунутый злой ведьмой. Целая дюжина нетерпеливых рук потянулась к занозе, каждому хотелось поскорее выдернуть её. Но молодой предводитель оказался проворнее всех и первым вытащил ядовитый зуб из ладони спящей мёртвым сном девушки...

И тут произошло чудо.

Из открывшейся ранки вытекли одна за другой три капли крови, чёрной, как деготь. На белом безжизненном лице девушки забрезжил румянец. Её длинные ресницы вздрогнули, веки приподнялись, и не успели затаившие дыхание охотники ахнуть, как их озарил лазурный блеск её глаз.

— Кто ты, добрый молодец? С добром или злом ты пришёл сюда, где не ступала нога человечья, кроме моей? — прошептала Лулу-Сана, увидев над собой склонённое лицо красивого юноши.

Но не успел юноша слова сказать в ответ, как девушка увидела обступивших её охотников. Их суровые бородатые лица испугали её, она вскочила на ноги и бросилась бежать прочь.

Юноша в несколько прыжков догнал её.

— Не убегай, девушка, мы ничего плохого тебе не сделаем. Я сын боярина, который владеет этим краем, а это мои верные друзья, охотники. Мы так увлеклись погоней за дичью, что не заметили, как очутились в этом уединённом месте. Здесь мы увидели тебя. Нам показалось, что ты неживая... Расскажи мне, кто ты такая и что ты делаешь в этой глуши?

Лулу-Сану пленил задушевный голос молодого боярина, она успокоилась, перестала рваться из его рук.

— Я дочь звездолобых оленя и оленихи, — сказала она, — они живут вон в той пещере. Меня зовут Лулу-Сана, что на языке оленей означает Девочка-Звёздочка... Мои родители месяц тому назад отправились на Стекланную гору за бриллиантовым перстнем для моего жениха, который, по их словам, скоро должен появиться в нашем лесу и попросить моей руки... Ведь мне уже исполнилось семнадцать лет!

Сражѣнный дивной красотой девушки, очарованный её голосом, который звенел и переливался, словно серебряный колокольчик в тихий полдень, пленѣнный добротой её лучистых глаз, синих, как небо над их головами, юноша обнял её и сказал:

— Милая Лулу-Сана! Пойдем со мной во дворец моих родителей, будь моей любимой невестой! Мне не нужен бриллиантовый перстень! Я одарю тебя подарками, каких не видела ни одна любимая жена на свете!..

Застигнутая врасплох таким предложением, Звѣздочка заколебалась.

«Как я оставлю мой лес, где мне всё близко и дорого, и уйду с этим юношей в чужой, незнакомый дом! Разве могу я расстаться с моими верными друзьями — игривыми зайцами, белочками, сернами... Нет, мне хорошо здесь, среди приволья душистых полян, где можно от восхода до заката солнца резвиться с зайцами среди тонкоствольных сосен, носиться наперегонки с быстроногими сернами. Разве я увижу где-нибудь такие развесистые деревья, на ветвях которых я раскачивалась с проворными белочками!.. Пусть лучше тот, кто меня полюбит, идёт жить к нам — в жилище моих родителей найдется и для него место!»

Но стоило Звёздочке взглянуть ещё раз на красивое мужественное лицо молодого боярина, на его глаза, которые смотрели на неё с бесконечной любовью и мольбой, как она забыла обо всём, что было ей так дорого в лесу. Склонив головку на сильное плечо юноши, она тихо прошептала:

— Веди меня, милый!..

Так Девушка-Звёздочка, любимая приёмная дочь звездолобых оленей, покинула свой второй дом. Молодой боярин увёл любимую невесту в свой дворец. Зайцы, серны и белочки проводили подружку до самых неприступных стен, которыми было обнесено новое жилище Лулу-Саны. Но ни они, ни охотники, ни счастливые жених с невестой не видели, как следом за молодыми во дворец прокралась злая колдунья, которая чуть не погубила Лулу-Сану.

Налитые кровью глаза злой старухи горели жаждой мести, из её чёрного беззубого рта время от времени вырывались страшные угрозы:

— Зря радуешься, негодница! Не захотела стать моей невесткой — не допущу, чтобы ты досталась другому. На этот раз тебе не сдобровать!..

IV

Во дворце, куда молодой боярин привёл свою невесту, жила другая девушка, дочь одного из боярских советников. Она уже давно питала тайную надежду выйти замуж за знатного юношу. Увидев, что боярский сын возвращается с охоты не один, а с удивительной красавицей, дочь советника поняла, что случилось, и заперлась у себя в горнице. Целых три дня и три ночи она не показывалась на люди, всё думала, как ей быть, каким способом завоевать сердце боярского сына, заставить его охладеть к своей невесте. Думала-думала — и придумала. На четвёртое утро она вышла из своей горенки и тут же начала рассказывать о Лулу-Сане разные небылицы.

Одним говорила, что молодой боярин нашёл свою невесту в медвежьей берлоге и что она со зверями питалась сырым мясом. Других убеждала, что невеста их молодого господина каждую ночь покидает дворец и до раннего утра слоняется по лесу с ведьмами и лесными русалками. Третьим клялась, что видела собственными глазами, как лесная девушка у себя в покое варит волшебное зелье, чтобы околдовать всех обитателей дворца.

Наговорив с три короба, коварная девушка озабоченно вздыхала:

— Ох, не знаю, добрые люди, может, я заблуждаюсь, но мне кажется, что эта девушка принесёт нам много бед. Авось небеса смилостивятся над нашим молодым господином, и он не пострадает!

Но как ловко она ни плела свои интриги, никто ей не верил: лесная девушка всех покорила своей добротой, и все обитатели дворца от души полюбили её...

В ту пору другой лютый враг Звёздочки — злая колдунья с Железных скал, которая хотела взять приёмную дочь оленей к себе в невестки, нанялась на боярский двор птичницей. От её зорких совиных глаз не укрылись ни бессильная ярость дочери советника, ни любовь окружающих к невесте молодого боярина. И когда однажды соперница Звёздочки проходила мимо неё, коварная старуха бросила:

— Вот ты заладила одно, люди слушают — на то им и уши даны. Да что толку... Послушай, молодой лисе есть чему поучиться у старой. — И, вытянув вперёд длинную жилистую шею, будто собираясь клюнуть проходившую мимо девушку в глаза, колдунья прошипела: — Запомни: тихомолком всегда можно большего добиться!

Загадочные слова новой птичницы заставили девушку вздрогнуть. Она остановилась:

— Что ты хочешь этим сказать, бабушка? — спросила она оборванную старуху.

Колдунья будто только того и ждала. Приблизив свой чёрный беззубый рот к уху испуганной красавицы, она долго нащёптывала ей какие-то речи.

Что говорила лукавая старуха, какие советы давала — не слышал никто, кроме отвергнутой красавицы. Вскоре все обитатели дворца, от мала до велика, с удивлением заметили, что в поведении соперницы наступила полная перемена.

Она перестала бесстыдно клеветать на Звёздочку, плести против неё интриги. Можно было подумать, что колдунья одним волшебным мановением погасила всю её злобу. Если до того дня все замечали, что дочь советника при виде счастливой невесты зеленела от зависти, то теперь вдруг она вспылала любовью к невесте боярского сына, стала с ней неразлучна.

Она сопровождала Звёздочку в её прогулках, с утра до вечера сидела в её горенке. Девушки пели и готовили подарки к свадьбе, которая уже была на носу. Словом, соперница Звёздочки незаметно стала её закадычной подругой...

Многие обитатели дворца от души радовались этой неожиданной дружбе и не видели в ней ничего плохого. Но были и такие, кто не верил в искренность дочери советника и подозревал, что она подружилась с лесной девушкой неспроста и готовит ей западню.

Эти люди при каждом удобном случае предупреждали молодую невесту:

— Остерегайся своей новой подруги, девушка!.. Слишком люта была её ненависть к тебе, чтобы можно было поверить в искренность её дружбы. Попомни наши слова — она задумала недоброе!

Но Звёздочке, прожившей свою недолгую жизнь в лесу среди зверей, были неведомы людское лицемерие и злоба. Она с лёгким сердцем отвечала:

— Напрасно тревожитесь, добрые люди, мы с моей новой подружкой любим друг друга как сёстры. Она готова ради меня пойти в огонь и в воду.

Доверчивая девушка с каждым днём всё больше привязывалась к своей бывшей сопернице. Чем ближе был день свадьбы, тем неразлучнее были подруги. Теперь уже никто не видел невесту одну. Куда бы ни пошла Звёздочка, за нею, как тень, следовала тайная соперница...

Однажды, в самый канун свадьбы, дочь советника и говорит Звёздочке:

— Давай, сестрица, последний раз погуляем по лесу вдвоём — ведь завтра ты выйдешь замуж и кто знает, сможем ли мы с тобой дружить, как дружили до сих пор...

Услышав её слова, Звёздочка запрыгала от радости и, никого не предупредив, отправилась со своей подружкой в лес. Та вывела простодушную девушку через тайный ход за стены дворца, и они, никем не замеченные, скрылись в тёмном лесу. Долго-долго шли девушки, пока не очутились на берегу глубокого озера, отовсюду окружённого густым кустарником.

Девушки провели у озера весь день. Дочь боярского советника то и дело обнимала молодую невесту, клялась ей в преданности, восхваляла её красу. Она превозносила до небес золотые, словно лучи солнца, волосы Звёздочки, захлёбываясь от восторга, расхваливала её голубые, будто незабудки, глаза. Схватив Звёздочку за руки и ласково поглаживая их, ворковала:

— Какие у тебя, сестрица, красивые руки. Маленькие, мягкие, словно пух, а пальцы будто выточены самым искусным мастером! Твоим рукам могла бы позавидовать сама царица, руки которой слынут самыми красивыми, самыми нежными во всём царстве!.. О, не случайно наш молодой господин, милая, потерял голову от любви к тебе!

Так она, не зная устали, рассыпала похвалы одну другой восторженней и льстивей.

У Звёздочки, которой раньше никогда не приходилось слышать таких восторженных похвал её красоте, закружилась голова. Ведь она принимала каждое слово коварной дочери боярского советника за чистую монету. Её пробудившееся к ласкам женское сердечко стучало всё сильнее, будто подружка опоила её крепким вином. Околдованная лестью, Звёздочка, знавшая язык лесных зверей и птиц, пропустила мимо ушей вещие слова одной малой пташки, которая вилась над её головой, тревожно попискивая:

— Не слушай её, глупая девушка — не к добру она тебя хвалит! Заткни уши, не слушай её!.. Поверь мне, она погубит тебя своей лестью!..

Перед заходом солнца, когда его лучи вот-вот должны были позолотить озёрную гладь, дочь советника, отойдя от Звёздочки на несколько шагов, сделала вид, будто впервые увидела ожерелье на шее молодой невесты. Притворно всплеснув руками, она воскликнула:

— Ах, сестрица, наконец-то я поняла, почему ты сегодня так

дивно прекрасна — у тебя новое ожерелье! Если бы ты только знала, как оно тебе к лицу!..

Взбежав на крутую скалу, нависшую над самым озером, она стала звать Звёздочку:

— Иди, милая, скорее ко мне, погляди на себя в воду, и ты убедишься собственными глазами, как идёт тебе ожерелье — свадебный подарок жениха!

Поняв, что задумала злая разлучница, птишка совсем потеряла голову. Она припадала к девушке, отчаянно трепыхая крылышками, и пищала:

— Не подходи к ней... не надо... Она тебя погубит!..

Но Звёздочка, зачарованная велеречивой злодейкой, была глуха к советам птички... Резво вскочив на ноги, она с лёгкостью серны взбежала на крутую скалу и склонилась над зеркальной гладью озера. Оттуда на неё смотрело улыбающееся лицо девушки редкой красоты: её длинные золотистые волосы были подобны лучам заходящего солнца, большие синие глаза светились радостью, щёки рдели...

— Сестрица, неужели это я? — спросила Звёздочка, переводя изумлённый взгляд на подругу.

— Ты, проклятая разлучница, отнявшая у меня своей дьявольской красотой любимого! — прошипела дочь боярского советника, и не успела поражённая девушка опомниться, как та изо всей силы толкнула её в бездну:

— Отправляйся же туда, наивная дуручка!

Это произошло так неожиданно, что Звёздочка не успела даже крикнуть. И только вещая птишка до самой ночи жалобно пищала над тем местом, где скрылась под водой лесная девушка...

V

Убедившись, что Звёздочка утонула в глубоком озере и ей уже больше не выбраться оттуда, дочь боярского советника поспешила вернуться во дворец. Никем не замеченная, она пробралась в свою горницу и на радостях принялась плясать. С сияющими от счастья глазами бегала от окна к окну, самодовольно потирала руки и то и знай повторяла:

— Никто меня не видел, никто ничего не узнает!.. Нет больше у меня соперницы, и молодой боярин возьмёт меня в жёны!

Послушай, однако, что было дальше!..

На следующее утро на том месте, где утонула Звёздочка, появился чудесный цветок. Его стебелёк и корни уходили вглубь, на дно озера, а на водной поверхности мерно покачивалась только золотая чашечка.

Издали одинокий цветок напоминал полную золотую луну, которая каким-то чудом упала в озеро. В середине же цветка, там, где обычно располагаются тычинки, светились, словно человеческие глаза, две голубые звёздочки. Они были обращены к берегу, туда, где далеко за лесом возвышался дворец боярина. Время от времени из них капали в озеро крупные слёзы, похожие на жемчужные росинки...

Весть о чудесном цветке, выросшем на том месте, где утонула невеста, в тот же день разнеслась по всему лесу. Об этом пели лесные птицы, шептались травы, тихо переговаривались листочки на деревьях. В одно прекрасное утро эта удивительная история достигла до обитателей леса, раскинувшегося у подножия Железных скал.

— Это наша сестричка, это про неё поют птицы! — встревожились зайцы, белочки и серны. — Ведь она покинула нас, потому что стала невестой молодого боярина.

И они сломя голову бросились бежать к берегу лесного озера. Пробравшись сквозь чащу и увидев на поверхности воды одинокий цветок, звери договорились, что будут охранять его днём и ночью: голубые звёздочки золотистого цветка были так похожи на глаза их милой сестрички Лулу-Саны...

А теперь давайте посмотрим, что стало с женихом Звёздочки, как он встретил весть о том, что его невеста бесследно пропала, что делал.

В тот же день, когда свершилось преступление, молодой боярин, нигде не видя своей невесты, поднял на ноги всех обитателей дворца от мала до велика и отправился на её поиски. Они обошли с горящими факелами в руках подворье, обыскали все покои — жилые и нежилые. Обшарили подземелья, заглянув в каждый уголок, отодвинув каждый сундук. Но девушка словно сквозь землю провалилась.

На следующий день жених разослал по окрестным и дальним селениям гонцов, которые оповещали народ:

— Слушайте, люди! Пропала бесследно невеста боярского сына!.. Тот, кто принесёт о ней какие-либо вести и поможет молодому боярину найти невесту, получит в награду шапку золотых!

Прошёл день-другой, прошла целая неделя, а о Звёздочке не было никаких вестей. Тогда несчастный юноша решил сам отправиться на поиски своей любимой невесты. Оседлал самого выносливого коня и поскакал через горы, через доли. Он объездил вдоль и поперёк весь лес, осмотрел каждую пещеру, каждое ущелье. Не пропустил ни единого кустика.

Подмётки его сапог износились от карабканья по скалам и обрывам, одежда превратилась в лохмотья.

Нетрудно догадаться, что все усилия молодого боярина были напрасны — нигде он не наткнулся даже на след пропавшей девушки. Безднадёжно махнув рукой, он с тяжёлым сердцем отправился домой.

Шёл он, шёл и в одно прекрас-

ное утро набрёл на тропинку, которая пролежала вдоль озера с чудесным цветком. Молодой боярин валился с ног от усталости, его сердце разрывалось от скорби. Он чуть было не прошёл мимо озера. Но тут откуда ни возьмись выскочила стая зайцев, белочек и серн. Насторожив уши, они бросались то в сторону человека, то к озеру, вставляли на задние лапки и махали передними, словно хотели сказать:

— Пойдём с нами!.. Пойдём с нами!

Бросив случайный взгляд на них, юноша вдруг вспомнил, что эти звери когда-то оберегали Лулу-Сану, лежавшую в забытии перед пещерой. Тогда он увидел её впервые. Сердце его, в котором вновь затеплилась надежда, глухо забилося. Забыв про усталость, он побежал в ту сторону, куда скрылись зверьки, и очутился на берегу озера...

Первое, что привлекло внимание молодого боярина, когда он бросил взгляд на водную гладь, был чудесный цветок. Он по-прежнему одиноко покачивался на поверхности озера, его голубые звёздочки роняли крупные жемчужины слёз.

— Ах, да ведь это же глаза моей невесты!..— вскричал изумлённый юноша.

В тот же миг, в подтверждение его слов, золотой цветок перестал ронять слёзы, а голубые звёздочки засияли так, как сияют глаза девушки, после долгой разлуки увидевшей любимого... Согретый их лаской, юноша опустился на мягкую траву и просидел, не шевелясь до позднего вечера.

На другой день рано утром он опять пришёл на берег озера.

На третий день восход солнца застал его на том же самом месте. Он сидел, не сводя глаз с удивительного цветка, его окружали лесные друзья Лулу-Саны. День за днём проводил молодой боярин на берегу озера, глядя на золотой цветок, губы его шептали слова, которые он некогда говорил своей невесте...

VI

Узнав, где пропадает молодой боярин, и поняв, какую опасность таит в себе золотой цветок, дочь советника расхворалась от злости. Три дня она в отчаянье не находила себе места, три ночи не смыкала глаз, всё ломала голову над тем, как разрушить новую преграду, выросшую на пути к сердцу возлюбленного.

Ничего не придумав, она бросилась за советом к старой колдунье — заклятому врагу лесной девушки.

Она нашла безобразную старуху на поляне, где та стерегла

боярских гусей. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, дочь советника заломила руки и запричитала:

— Бабушка, миленькая, на тебя вся надежда! Помоги сгубить золотой цветок, который вырос на том месте, где утонула моя соперница!.. Молодой боярин проводит возле него день за днём, ни на одну девушку и смотреть не хочет. Стану боярской невестой — проси, что хочешь, одену тебя с головы до ног в парчу и шёлк, украшу твои руки драгоценными перстнями и браслетами!

— Огонь, один только огонь может довершить дело, начатое водой, пламя всё сметёт на своём пути! — прошипела колдунья.

Потом она объяснила дочери советника, что нужно сделать, как погубить цветок. Дочь боярского советника, затаив дыхание, жадно ловила каждое её слово. Она заперлась в своей горнице и целый день твердила про себя советы колдуньи, стараясь запомнить каждую мелочь.

Длинный летний день пролетел, как час. Зашло солнце. Смерклось.

Настала полночь.

В этот поздний час, когда всё живое на земле и в воде спало спокойным сном, когда даже звёздочки на небосклоне начали сонно мерцать, дочь боярского советника решила окончательно расквитаться со своей соперницей.

Она сделала так, как учила её колдунья.

Выйдя украдкой из дворца, улучила момент, когда поблизости не было стражи, и никем не замеченная покинула боярский двор. Юркнув в лесной кустарник, тайными тропинками добралась до берега озера, где над притихшей водной гладью в полуночном мраке блестели голубые звёздочки золотого цветка.

— Сейчас я погашу навсегда твои глаза, проклятая! Ты даже после своей смерти не отдаёшь мне суженого! — вскричала потерявшая от злобы голову дочь советника и, бросившись в воду, быстро поплыла к цветку.

Когда она вылезла на берег, в руках у неё желтел вырванный со дна озера золотой цветок. Его стебелёк и корни отчаянно извивались, стараясь выскользнуть из цепких пальцев похитительницы. А голубые звёздочки орошённые слезами, жалобно глядели в сторону леса, словно говорили своим лесным друзьям: «Неужели вы забыли Лулу-Сану, свою сестричку, с которой когда-то играли у подножия Железных скал... Помогите, спасите! Вырвите меня из рук этой женщины — она меня погубит!..»

Но злая колдунья ещё на закате усыпила зверей, и они спали мёртвым сном, ничего не видя и не слыша. Дочь боярского советника бросилась бежать со своей добычей к самому укромному уголку леса, где у ярко пылавшего костра её ждала уродливая старуха...

Они бросили золотой цветок в костёр, собрали пепел и, набив им суму, зарыли её глубоко в землю у дороги, ведущей к боярскому дворцу.

Восток начал алеть, когда злые женщины расстались. Старуха вернулась к гусям, а дочь советника заперлась у себя в горнице. Старая колдунья ликовала, что ей удалось до конца выполнить свою угрозу — лесная девушка, которая отказалась стать женой её двухголового сына, не достанется другому. Дочь боярского советника чуть не прыгала от радости, она надеялась, что наконец-то ей удастся завоевать сердце молодого боярина.

Но и на этот раз всё вышло не по-ихнему!..

У дороги, где злые разлучницы зарыли в землю пепел сожжённого цветка, нежданно-негаданно выросло высокое, стройное, как тополь, дерево. Оно покрылось нежными серебряными листочками, а на вершине его сверкал-переливался один-единственный плод. Издали он напоминал крупное золотое яблоко. Подойдя поближе, можно было увидеть, что на нём сияют две голубые звёздочки.

Каждый, кто знал Лулу-Сану, взглянув на эти звёздочки, невольно восклицал:

— Смотрите, добрые люди, чудо-то какое! Ведь это глаза пропавшей невесты нашего молодого боярина!

Весть о необыкновенном дереве разнеслась по всей стране, и к нему стал стекаться любопытный народ.

Стоя в сторонке, — поскольку боярский сын пригрозил, что каждого, кто осмелится подойти к дереву, ждёт смерть, — люди любовались его серебряными листочками и золотым плодом с двумя голубыми звёздочками. Поражённые увиденным, они расходились по домам и рассказывали каждому встречному:

— Ах, если бы вы только знали, какое удивительное дерево

выросло напротив дворца нашего боярина!.. Серебряные листья звенят, не умолкая, словно бубенчики, а на самой верхушке висит золотой плод, похожий на яблоко, с двумя голубыми звёздочками, которые так и смотрят в душу.

Люди слушали, раскрыв рот, и опрометью бежали к боярскому дворцу, чтобы поглядеть на чудо собственными глазами...

Как-то раз мимо дерева проходила пастушка, у которой когда-то звездолобые олени украли маленькую дочку. Не слыша окриков стражи, старая женщина прилегла отдохнуть в его тени.

И в ту же минуту золотой плод с двумя голубыми звёздочками сорвался с верхушки, сверкнул, точно молния среди ветвей, и упал прямо на колени ошеломлённой женщине...

Обезумевший с горя жених Лулу-Саны подбежал к пастушке, обнажив меч, и вдруг застыл на месте от неожиданного зрелища.

На коленях у женщины, суча розовыми ножками, лежала крохотная голубоглазая девочка с золотыми волосами.

— Господи! Моя ненаглядная дочка, которую когда-то унесли олени, опять со мной! — вскричала пастушка.

Этот крик счастливой матери, казалось, влил волшебные силы в тельце ребенка, и девочка стала расти прямо на глазах. Не успела женщина обнять дочь после долгой разлуки, как девочка проворно вскочила с её коленей и уверенно встала на ноги. Пастушка и боярский сын от удивления не могли вымолвить и слова: девочка вдруг превратилась во взрослую девушку, и перед ними предстала Звёздочка, какой она была в день своей гибели...

— Милая Лулу-Сана, любимая моя невеста ожила! — радостно воскликнул молодой боярин.

Он раскинул руки, которыми только что сжимал рукоятку меча, и заключил улыбающуюся девушку в объятия.

На следующий день в боярском дворце сыграли пышную свадьбу. Девять дней и ночей пировали гости. На самом почётном месте сидела счастливая пастушка, мать невесты. А рядом с ней, чуть живые от усталости, пристроились звездолобые олень с оленихой, которые наконец-то вернулись со Стеклой горы с драгоценным бриллиантовым перстнем — свадебным подарком для своей любимой приёмной дочери.

Были там и лесные друзья Лулу-Саны — зайцы, серны и белочки.

Не было на пиру только дочери боярского советника да безобразной колдуньи, матери двухголового великана. Первая с горя и зависти утопилась в том самом озере, куда она толкнула Звёздочку. А вторая убежала за тридевять лесов и гор, и с тех пор о ней ни слуху ни духу...

МАТТЕО И МАРИУЧЧА

итальянская сказка

или в городке Виджанелло девушка Мариучча и юноша Маттео. Девушка была так красива, что её никто не называл иначе, как «прекрасная Мариучча». А юноша был среди сверстников самым ловким, сильным и отважным. Мудрено ли, что, встретившись, молодые люди полюбили друг друга. Ну, а уж раз полюбили, так и за свадьбой дело не стало.

В доме родителей Мариуччи уже всё было готово для свадебного пира. Зарезали белого как снег ягнёнка, двух баранов, зажарили дюжину зайцев и больше сотни куропаток. По старому обычаю возле места, где должны были сидеть молодые, поставили две плетёные корзинки со сладостями. После свадебного обеда жених и невеста станут осыпать друг друга конфетами, чтобы жизнь их была сладкой как мёд, из которого сварены лакомства.

Родственники и гости сходились к дому со всех сторон.

Вдруг по улице на взмыленном коне проскакал всадник. Он громко повторял только одно слово. Но слово это вселяло смуту в сердца горожан.

— Сарацины! Сарацины! — кричал всадник.

И сейчас же с вершины холма, вздымавшегося над Виджанелло, зазвучал голос Коломбо и Пеллико — двух огромных морских раковин. В дни мира они молчали. Но как только корсиканской земле грозила опасность, дозорные подносили их к устам. Тогда Коломбо и Пеллико тревожно пели над долинами, сзывая на битву сынов Корсики. Все мужчины — от безусых юношей до седобородых старцев, — слышав их призыв, спешили навстречу врагу. Ни один из них не уклонялся от священного воинского долга. А если бы и нашёлся такой презренный, ему не удалось бы смыть позорное клеймо труса до конца своих дней.

Так и на этот раз. Не успели умолкнуть Коломбо и Пеллико, как мужчины, покинув плачущих жён и детей, звеня на бегу оружием, устремились к берегу моря, где высадились сарацины. А впереди всех на добром скакуне мчался Маттео.

Бой был жестокий. Но мужество защитников не спасло города, потому что на каждого жителя Виджанелло приходилось десять сарацин. Вражеские полчища ворвались в город, всё уничтожая на своём пути.

Бедная, бедная Корсика! Лежат в развалинах, сожжённые селения, опустошены плодородные долины, а твоих прекрасных дочерей уводят в рабство.

Не избежала печальной участи и Мариучча. Её красота поразила самого предводителя сарацин. Он схватил девушку и перекинул её через плечо, как волк полузадушенную овечку.

Скоро сарацины с награбленным добром двинулись назад к берегу, где покачивались на волнах их корабли.

А в это время Маттео лежал под огромной смоковницей, что росла у самой дороги. Из ран его струилась кровь, в глазах меркнул свет.

И вот мимо него прошли сарацины с богатой добычей, с прекрасными пленницами. Среди пленниц Маттео с ужасом увидел свою невесту.

Юноша вскочил, вытащил до половины острый клинок из ножен, но силы покинули его, и он упал.

А сарацины прошли, даже не взглянув на несчастного.

Скоро сумерки спустились над опустевшим Виджанелло. Настала ночь. И на поле, где днём звенели, скрещиваясь и высекая искры, мечи, появился властитель Царства мёртвых. Чёрные вороны с карканьем кружили над его головой. Властитель Царства мертвых медленно переходил от одного павшего воина к другому и легко касался их своим жезлом. И те, кого он коснулся, становились его подданными. Приблизился он и к Маттео, но, за-

глянув юноше в лицо, сказал:

— Этот пока не подвластен мне. Он скоро оправится от ран, ему суждено прожить долгие-долгие годы.

— На что мне жизнь,—простонал Маттео,—когда родной город разграблен, а та, что дороже жизни, уведена в позорный плен!

— Не хочешь ли ты сказать, смертный, что любовь тебе милее солнечного света и теплого хлеба?

— Без Мариуччи свет мне будет не мил и хлеб не нужен,—ответил Маттео.—И как я посмотрю в глаза сограждан? Ведь я не сумел за них отомстить.

— А если я помогу тебе, ты согласишься умереть раньше назначенного срока?

— О чём ты спрашиваешь! Конечно, да.

— Так помни, ровно через год ты умрёшь! — сказал властитель мёртвых и провел рукой над распростёртым телом Маттео.

Тотчас раны юноши закрылись, он вскочил на ноги и рванулся в ту сторону, куда сарацины увлекли Мариуччу.

Властитель мёртвых остановил его.

— Куда ты стремишься, неразумный! Один ты не одолеешь сарацин.

Он ударил жезлом по корявому стволу смоковницы. Дерево затряслось от корней до вершины, и с ветвей посыпались плоды и листья. Плоды с глухим стуком ударялись о землю, и на том месте вырастал воин, облачённый в доспехи. Листья становились чеканными щитами, черенки — острыми копьями. Перед Маттео выстроился отряд в тысячу воинов. А старая смоковница тяжело рухнула, подминая и ломая уже мёртвые ветви.

Маттео махнул рукой, и войско двинулось следом за ним.

Сарацины, опьянённые победой, расположились лагерем на берегу в виду своих кораблей. В этот предрассветный час они крепко спали у походных костров, выставив лишь дозорных.

Завидев рать, шедшую на них, дозорные подняли тревогу. Бой разгорелся. Он был жарким, но недолгим. Лишь горстка врагов успела добраться до кораблей, остальные полегли на берегу.

Маттео бросился к связанным пленницам. Острым ножом он перерезал опутывавшие их верёвки. Вот и Мариучча! Юноша горячо обнял любимую и повернулся, чтобы поблагодарить своих соратников. Но воины исчезли, будто растаяли в воздухе...

Горе и радость смешались в городе Виджанелло. Радовались, потому что враг был разбит, потому что девушки вернулись в свои дома. Лили слёзы, потому что во многих семьях за столом во время трапезы пустовало место мужа или брата, или сына.

Но жизнь текла своим чередом. Забывалось горе, и печаль на лицах жителей Виджанелло всё чаще сменялась улыбкой.

И вот снова готовится свадьба Мариуччи и Маттео.

Храброго юношу прозвали сыном Виджанелло, потому что он спас город. А если у юноши такой отец, какого ни у кого не бывает, — целый город, то и свадьбу надо отпраздновать так, чтобы те перешние дети, став стариками, рассказывали о ней своим внукам.

День для свадьбы тоже выбирали всем городом и назначили в годовщину победы над сарацинами.

Маттео был так счастлив, что даже не вспоминал о слове, которое дал властителю мертвых. Всё, что случилось в ту ночь, казалось ему далеким сном.

И вот настал назначенный день.

С самого утра улицы заполнились народом. Горожане разоделись в лучшие платья, лишь кое-где среди праздничного убранства темнели траурные одежды. Колокола возвестили, что свадебный обряд начался.

Маттео надел кольцо на палец невесте и сам протянул руку, чтобы она надела ему кольцо. Вдруг налетел страшный вихрь, чёрный смерч пронёсся над Виджанелло, подхватил Маттео и унёс с собою прочь.

Никто из стоявших вокруг не увидел того, что видела Мариучча: не смерч, а сам властитель Царства мёртвых похитил Маттео.

— Ах, Маттео, как ты мог оставить меня ни женой, ни невестой! — воскликнула девушка. — Ведь обряд венчания не кончен. Но я не уступлю тебя никому. Даже в Царстве мёртвых я найду тебя.

Девушки Корсики так же отважны и решительны, как и мужчины. Мариучча отправилась искать своего Маттео.

Вот кончились последние дома Виджанелло. Мариучча остановилась. Куда же идти? В какой стороне лежит Царство мёртвых?

Тут к Мариучче — прыг-скок боком — подскакала ворона.

— Кр-ра-сивое колечко. Подари мне колечко, девушка.

— Не могу, — сказала Мариучча. — Это кольцо надел мне на палец мой жених, Маттео.

Но ворона не отставала.

— Дай тогда другое колечко, ведь у тебя два.

— Ах, сестрица, второе кольцо я должна надеть на палец моему жениху Маттео в Царстве мёртвых. Я лучше подарю тебе серёжку.

Мариучча вынула из смуглого ушка серёжку и протянула её вороне.

Ворона схватила серёжку когтистой лапой и улетела. На лету она обернулась и крикнула:

— Цар-рство мёртвых в той стороне, где заходит солнце. Иди прямо на закат солнца, девушка. Никуда не сворачивай.

Мариучча повернулась спиной к востоку, лицом к западу и пошла.

Первые дни на её пути попадались деревни. Потом начались дикие места. Мариучча шла по спалённой солнцем пустой равнине. Острые камни изрезали ей ноги, горячий песок жёг их огнём.

День сменяется ночью, ночь — днём, день — снова ночью. А девушка всё идёт и идёт.

Впереди видны горы. За них садится солнце, из-за них восходит луна.

Скоро или не скоро Мариучча подошла к первой горе, поросшей весёлым лесом. От дерева к дереву — она и сама не заметила, как очутилась на вершине. Тут, в небольшой котловине, лежало озеро, круглое и блестящее, как зеркало.

Мариучча наклонилась над водой, чтобы умыться, и тотчас же отшатнулась. Из воды на неё смотрела морщинистая старуха с седыми волосами.

— Да ведь это моё отражение! — вскрикнула Мариучча. — Неужто минули не дни, а годы, как я покинула родной дом? А может, горе состарило меня раньше времени. Как я, такая, покажусь Маттео?

Девушка опустилась на прибрежный камень и заплакала.

Она не знала, да и откуда ей было знать, что это озеро волшебное. Оно всё отражало наоборот. Посмотрится в него старуха — увидит себя молодой и прекрасной. Взглянет девушка — и испугается, как испугалась Мариучча. Будто ей и впрямь пора нянчить внуков, а не плясать на околице деревни с парнями.

Поплакала Мариучча, потом решила:

— Пусть разлюбит меня Маттео, но я всё-таки разыщу его в Царстве мёртвых.

Она утёрла слёзы и стала спускаться с горы.

В долинке у корней дерева пробивался родник. Мариучча не удержалась, посмотрела в него и звонко засмеялась.

— Нет, Маттео не отвернётся от меня. Я по-прежнему хороша и молода!

Радость придала Мариучче силы, и она снова пустилась вперёд.

А сил надо было много, потому что перед ней выросла вторая гора, выше первой. Гора была каменистая и крутая. Однако недаром Мариучча родилась на Корсике. Где пройдёт горная коза, там пройдёт и корсиканская девушка. Вот уже близка вершина, ещё два-три уступа, и Мариучча одолеет гору. Вдруг послышался гром и из-под земли поднялось стеной пламя. Тщетно Мариучча металась в поисках прохода. Она нигде его не находила.

Мариучча была храбрая девушка, но всё-таки девушка. Поэтому она снова горько заплакала. Одна её слезинка капнула в огонь. Огонь зашипел, прижался к земле и погас.

Мариучча достигла вершины и увидела, что за этой, второй, горой поднимается третья гора. Стоит она, как угрюмый великан, и голова её спряталась в тучах. Нет, никому не пройти по такой крутизне. Перелететь бы, да крылья у Мариуччи не выросли.

Тут Мариучча услышала жалобный крик. Посмотрела — это белый голубь бьётся в траве, запутался лапкой в длинной травинке, никак ему не распутаться. А над голубем кружит голубка, то припадёт к земле, то опять взовьётся и так жалобно кричит, будто плачет.

— Ах, бедняжка, — сказала Мариучча голубке, — у нас с тобой одно горе. Ты хочешь вызволить своего голубя, а я своего Маттео. Я помогу тебе, а мне, видно, никто не поможет.

Девушка нагнулась и осторожно разорвала травинку. Голубь взлетел, сделал большой круг рядом с голубкой и вернулся к Мариучче.

— Чем помочь тебе, девушка? — спросил он.

— Вы не можете помочь мне, — печально ответила Мариучча. — Мне надо вон за ту высокую гору.

Голубь взвился вверх и пропал. Не прошло и минуты, как воздух затрепетал от взмахов быстрых крыльев. Прилетела тысяча голубей. Они ухватили красными лапками Мариуччу за пояс и перенесли её через гору. Там они опустили девушку на землю у входа в ущелье.

— Счастливого пути! — закричали они, улетаая.

Мариучча вступила в узкий проход между скалами.

Идёт девушка тесниной. Встали по бокам каменные утёсы, заслонили солнечный свет, сыро и темно в ущелье. Высоко над головой бежит дорожка неба, ведёт Мариуччу дальше и дальше. Всё уже ущелье, всё глубже уходит вниз. Еле видна вверху дорожка неба.

Вдруг расступились скалы, и девушка вышла на берег реки. Река не струилась, не журчала, воды её тяжело колыхались, будто чёрная ртуть. Мариуччу мучила жажда. Она хотела напиться, но вдруг вспомнила, что рассказывали у них в Виджанелло. Есть такая река, разделяющая Царство живых и Царство мёртвых: выпьешь глоток воды и сразу забудешь всё, что было. Может, это она, река забвения. И Мариучча не стала пить.

Тут к берегу причалила лодка. Вёл её старый-престарый старик-перевозчик.

— Здравствуй, дедушка, — сказала Мариучча, — перевези меня на ту сторону.

Старик ответил:

— Живым нечего делать в Царстве мёртвых. Я не повезу тебя.

— Но ведь я ищу своего Маттео, — стала просить его девушка. — Посмотри сам, вот это кольцо он надел мне на палец, а вот это кольцо я должна надеть ему на палец. Как же ты говоришь, что мне нечего там делать!

— Ну что же,—сказал старик,—садись в лодку. Да запомни мой совет: когда найдёшь своего жениха и поведёшь назад, молчи и не оглядывайся.

Старик поднял тяжёлое весло и, медленно загребая, повёл лодку поперёк реки. Весло поднималось и опускалось, но плеска воды не было слышно. Когда Мариучча вышла из лодки на том берегу, она увидела ворота, а над воротами надпись: «Этот порог дважды не переступают!»

Но девушка не испугалась. Она перешагнула через порог и очутилась в Царстве мёртвых. Тут её обступили тени. Они были так похожи друг на друга, что Мариучча растерялась. «Пресвятая Мадонна,—подумала она,—как я найду моего Маттео, как я его узнаю?»

Долго скиталась Мариучча по сумрачному Царству мёртвых. Там не было ни дня, ни ночи, ни пения птиц, ни душистого запаха трав. Вдруг сердце девушки дрогнуло. Перед нею остановилась тень, такая же серая, как все другие, но что-то знакомое проступало в неясных чертах. Мариучча быстро надела кольцо на палец тени. И вот чудо,—перед нею стоит не тень, а Маттео, её Маттео! Девушка схватила его за руку и побежала к выходу из Царства мёртвых.

Вот впереди завиднелся яркий свет дня, блеснули тяжёлые воды реки. Ворота были открыты, но выход стерегло чудовище о семи головах. Каждая из голов изрыгала дым и пламя.

Мариучча прижалась к Маттео, и они проскользнули мимо. Ещё три-четыре шага, и они вернутся в мир живых.

Вдруг девушка почувствовала за спиной палящее дыхание. Она оглянулась и увидела, что чудовище подняло среднюю, самую большую голову и тянется к Маттео, чтобы напасть сзади и проглотить его.

— Берегись, Маттео, любимый мой!—закричала в смертельном испуге Мариучча. Ах, зачем она оглянулась, зачем крикнула! Тотчас чары, охранявшие их обоих, распались. Захлопнулись тяжёлые ворота, Маттео и Мариучча стали тенями. Буря подхватила их и закружила, словно опавшие листья.

Так и носятся они, гонимые ветром, не думая о будущем, не вспоминая о прошлом. Но они всё-таки вместе: они крепко держат друг друга за руки. На пальце Мариуччи сияет кольцо Маттео, а на пальце Маттео — кольцо Мариуччи.

ТУХКИМУС

карельская сказка

или когда-то бедный старик со старухой. Было у них три дочери. Старшие две, ленивые, гордые, строптивые, хвалились, что краше их на свете никого нет, младшая же красавица была, скромная, прилежная, любую работу исполняла быстро, тихо — никто и не замечал, как дело делалось, работа работалась.

Вот и заставляли её каждый раз ленивые сестры всю чёрную работу исполнять. Да мало того, насмехались:

— Эй, Тухкимус, золушка! Иди в грязи копаться! Эта работа по тебе, а не для нас, старших сестёр!

Однажды сказали чванливые сёстры отцу и матери:

— Живем мы бедно, а жить мы хотим богато. Отпустите нас, мы пойдём к царю в услужение!

Подумали, подумали старик со старухой и отпустили их.

Тухкимус тоже попросилась:

— Отпустите и меня, батюшка с матушкой. Уж очень хочется белый свет посмотреть!

А сёстры как закричат, как завопят, старикам и рот открыть не дали:

— Не нужно нам замарашки! Не возьмём её! Пусть сидит Тухкимус за печкой, в золе! Там ей и быть положено. А то смотри, к царскому двору захотелось! Да кто тебя пустит? Взащей прогонят! И самой там не бывать, и нас, красавиц, опозоришь!

Отправились строптивые сёстры в путь. Долго шли, коротко ли, но только встретили они корову. И была та корова не обыкновенная, а с подойником на рогах. Но сёстры на неё не посмотрели даже, хотели мимо пройти.

Корова сказала им:

— Сестрички-красавицы! Тяжело мне с молоком ходить. Вы меня подоите, молочка попейте!

Засмеялись сестры:

— Глупая ты, корова, длинные рога! Станем мы из-за тебя руки пачкать! Мы три года чистились, наряжались, чтобы во дворец попасть, к царю в услужение, а не для того, чтобы с твоим подойником возиться!

И пошли дальше.

Шли, шли. Вдруг навстречу им баран. Да не простой, а с ножницами на рогах. Но они и не глянули на него. Тогда баран заблеял, заговорил:

— Сестрички-красавицы, добрые девушки! Пожалейте меня, летом в шубе хожу, жарко. Постригите вы мне шерсть. Сколько надо, себе возьмите, остальную мне оставьте.

Засмеялись сестры, захихикали:

— Ах ты, глупый баран, медный лоб, завитые рога! Мы три года чистились, наряжались, чтобы к царю в услужение попасть. Неужто, думаешь, станем из-за тебя руки пачкать!

И пошли дальше своей дорогой.

Идут, идут, вдруг видят—на камне старичок сидит. Старый-престарый, дряхлый. Говорит им старичок:

— Помогите мне, доченьки! Одежда моя измызгалась—постирайте её! Волосы мои сбились—расчешите их. Сам я не в силах, стар стал.

Рассердились сестры:

— Ишь чего захотел, старый дурень! Мы три года руки свои берегли, никакой работы не делали, к царю во дворец собирались в услужение поступать, а тут с тобой возиться! Да ты хоть весь мхом зарости, нам всё одно!

И побежали дальше.

Пришли наконец упрямицы к царскому дому. Зашли и говорят:

— Батюшка царь-государь! Не возьмёшь ли нас в услужение? Царь их оглядел, поморгал и сказал:

— Как не взять таких чистеньких? Возьму!

И взял. Стали старшие дочери царю служить.

В те поры стали старик со старухой ещё хуже, ещё беднее жить. Силы-то у них убывали, а не прибавлялись! Вот и решила младшая дочка, Тухкимус, пойти работы поискать, хлебушка для стариков припасти. Отпросилась она у родителей, благословили они её, и отправилась Тухкимус в путь-дорогу. Идёт себе потихонечку, а навстречу ей корова. Да не простая, с подойником на рогах.

И говорит ей корова:

— Остановись, красавица девушка! Посмотри, как тяжело мне с молоком ходить! Подои меня, душенька, а за труды молоко себе возьмёшь!

А Тухкимус говорит корове:

— Что ты, коровушка! Я и так подою, мне ведь не трудно, а тебе полегчает!

Подоила корову, а та её просит:

— Ты хоть молочка выпей!

Напилась Тухкимус молока, повесила корове на рога подойник и пошла. Немного прошла — навстречу ей баран. Копытцами стучит, ножницами бренчит:

— Девушка-красавица! — говорит. — Жарко мне! Парко мне! Летом в шубе хожу! Постриги ты меня, а шерсть за труды себе возьми!

Говорит ему Тухкимус:

— Славный ты, барашек, круглые рожки! Я и так тебя постригу!

Остригла Тухкимус барана и пошла дальше.

Шла, шла. Долог ли путь её был, короток ли, только пришла она на то место, где возле дороги, на камне, старик сидел. Старый-престарый, дряхлый. Он сказал:

— Доченька, красавица, пожалей ты мою старость! Выстирай мою одежду, расчеши мне волосы. Обиходить-то меня некому!

Выстирала ему Тухкимус одежду в ручейке, расчесала волосы старику гребнем своим частым-частым.

— Ты добрая девушка, — сказал старик. — Ты и корову подоила и барана постригла! Добрая у тебя душа, золотые руки, snоровистые! За то дам я тебе в награду вот эту палку. Береги её, не потеряй. Иди всё прямо, прямо. И придёшь ты к царскому дому. Там тебя на службу возьмут. Служба не лёгкая, да тебе не страшная. Когда нужда придёт, знай: за царским домом, в лесу, есть большой камень. Ударь ты по нему этой палкой трижды крест-накрест, и будет у тебя всё, что ни пожелаешь. А теперь в добрый час, ступай!

Поблагодарила Тухкимус старика, попрощалась с ним, взяла палку и пошла дальше.

Пришла она к царскому дому, зашла в него и сказала царю:

— Батюшка царь-государь! Остались у меня дома родители, старые, слабые. Хочу я им на хлеб заработать. Не возьмёшь ли меня в услужение?

Оглядел её царь с головы до пят. Видит, одежонка на ней старая, потёртая. Руки у неё грубые, от работы почерневшие. И сказал царь:

— В служанки ты не годишься. Мы взяли розовых, чистеньких, а грязнуха только во дворце наследит, натопчет. Тебя если и возьму, так разве за свиньями ходить!

Стала Тухкимус свиней кормить, поить. Весь день и вечер в свинарнике не покладая рук работает, а ночь за печкой проводит, там ей место отвели.

А у царя сын был единственный. И такой красавец — равного по красоте в государстве молодца не было. Ищи — не найдёшь!

С ног сбились царские министры, государевы советники — не найдут ему подходящей невесты. Какую ни приведут — хуже его: не пара!

Вот царь устроил пир.

— Всех, — говорит, — зовите! Такова моя царская воля: хочу сыну невесту сыскать!

Наряжался царевич на пир. Кликнул слугам, чтоб в рукомойник воды налили, а старшие сёстры сами наряжались, каждая надежду имела царскому сыну понравиться.

Так они и приказали Тухкимус:

— Эй ты, золушка чумазая, свинарка грязная, поди налей воды в рукомойник царевичу!

Вышла Тухкимус из-за печки, отряхнула золу с платья, ведро взяла, понесла к царевичу.

А тот увидал её, чумазую, испугался даже, закричал:

— Что за чучело огородное! Неужто некому в царском доме воды принести?

Ничего не сказала в ответ Тухкимус. Дождалась, когда все на

пир ушли, и пошла в лес. Ударил палкой, которую ей старик дал, три раза крест-накрест по камню, и перед ней появились три ушата. В первом ушате вода — умыться. Во втором ушате — одежда, вся в медных звёздах, как небо, в третьем — конь с медной сбруей, шерсть медью отликает.

Умылась Тухкимус из ушата, надела на себя платье, как звёздное небо, на медного коня села и поскакала на царский пир. Как увидел её царевич, так в лучшие комнаты повёл, весь день от неё не отходил, с ней одной танцевал, играл, её рук из своих не выпускал. А как время пришло прощаться, спросил:

— Из какого ты города заморского, сестра моя?

А Тухкимус отвечает:

— Из Чучелинска, что Огородском зовут!

Удивился царевич ответу девушки. Что-то не приходилось ему о таком городе слышать. Но не спросил больше ничего. Решил выследить, куда она с пира уезжать будет. А чтобы вернее было, кликнул царевич слуг и приказал им глаз с девушки не спускать. На случай, если она потихоньку бежать захочет, самому верному велел схватить её и к нему привести. Вот до чего царевич полюбил её!

Так и было. Вышла Тухкимус из царёва дома, а на неё со всех сторон царские слуги смотрят. Побежала она в сад, тут верный слуга ее схватить хотел, да она выскользнула и убежала. А у него в руке один только чепец её остался.

Пришёл слуга к царевичу с чепцом, а Тухкимус уже к камню большому вернулась, сняла с себя платье звёздное, коня отпустила, за печку вернулась, щёки золой измазала и сидит, тихая, смиренная. Заявились гордые сёстры её, злые-презлые, что царевич на них внимания не обратил, а Тухкимус их и спрашивает:

— Расскажите, сестрички, что на пиру было?

Сёстры ей ответили:

— Эх ты, замарашка, ничего-то ты не видела, ничего-то ты не знаешь! Была там девушка неземной красоты! Царевич от неё без ума: на шаг не отходил, глаз с неё не спускал.

Тухкимус боялась, как бы её не узнали, потому и спросила:

— Послушайте, сестрички, уж не я ли там была?

Засмеялись чванливые сёстры:

— Ах ты, грязнуля, сажай разукрашенная! Да ты что, в своём ли уме?

На другой день у царя другой пир — больше прежнего, богаче вчерашнего. Ждёт царевич — может, красавица в медных одеждах на медном коне опять к нему в гости пожалует. Стал обряжаться; воды спросил в рукомойник.

Позвали сёстры Тухкимус:

— Иди, пугало огородное, воды в рукомойник царскому сыну налей! Не по нашим рукам дело это, а по твоим, мужицким, грубым!

Как вышла девушка из-за печки, в золе, в саже, так царёв сын даже вздрогнул:

— Ах ты,—говорит,—чумичка, страхолюдина! Неужто в царском дворце некому с человеческим лицом воды подать?

Ничего не сказала Тухкимус. Дождалась, когда все на пир ушли, и пошла в лес. Ударила палкой трижды крест-накрест по камню большому, и перед ней появились три ушата. В первом — умылась, из второго платье взяла — лунное, серебром светящееся, из третьего — коня в серебряной сбруе, с шерстью серебристой вывела, вскочила на него — и во дворец!

А царевич у крыльца уж стоял. Увидел издали, навстречу побежал, рад-радёшенек! Целый день не отходил, глаз с неё не спускал.

Наконец осмелел, спрашивает:

— Сестра моя прекрасная, из какого города ты приехала-прибыла?

Говорит ему Тухкимус:

— Город мой известный — Чумичинском его зовут, Страхолюдском прозывают.

Задумался царёв сын, удивился: что-то о таких городах он и слыхом не слыхал!

Ничего не сказал царевич. А потом кликнул слугу, приказал ему у порога топором щель вырубить. Как стала Тухкимус из царёва дома выходить, так застрял у неё каблучок серебряный в той щели, и убежала она без туфельки.

Упорхнула птица, нет её.

Сложила лунное платье в первый ушат, отпустила коня и вернулась за печку, лицо золой и сажей вымазала.

Пришли старшие сёстры, шипят, ругаются:

— Опять царевич на нас и не глянул даже. Всё на красавицу свою глядел, насмотреться не мог!

А Тухкимус спрашивает:

— Уж не на меня ли та красавица похожа?

— Хо-хо-хо! — смеялись сёстры. — Не с ума ли ты сошла, Тухкимус? Не смейся людей, помалкивай. Там красавица была лунная, а не девка презренная!

А царевич стонет, плачет: исчезла его любимая. Успокоиться не может. Видит царь — убивается его сын от любви, от горя. В третий раз пир устраивает.

Опять сёстры гордые с утра засобирались, наряжаться стали. Где там им воды в рукомойник налить, не до того было! Если в третий раз царёв сын их не приметит, значит, век им быть в услужении. Послали они за водой Тухкимус:

— Иди, говорят, мужичка! Нищенка! Да спасибо скажи, что за водой посылаем,— всё ж легче, чем в свинарнике рыться!

Увидал её царевич, в саже вымазанную, золой испачканную, вздрогнул:

— Люди добрые,— говорит,— неужто во дворце человека не найдётся, кроме запечницы такой, чтобы воды принести! — И в сердцах даже ремнём её стеганул.

Пошли сёстры старшие на пир, а Тухкимус велели дома, за печкой, сидеть. Только дверь за собой закрыли, каблучками по дорожке протопали, выбралась Тухкимус из-за печи — и в лес. Пришла к камню большому, ударила по нему трижды крест-накрест палкой, и появились перед ней три ушата. В первом она умылась, во втором оделась, из третьего коня вывела, вскочила на него и поскакала во дворец.

Стоит царев сын у крыльца, не дожидается любимой своей. А она уже скачет. Только глянул царевич — обомлел: едет ко дворцу красавица, платье на ней из чистого золота, конь под ней словно золото — золотой шерстью, золотой сбруей горит, сверкает.

Упал перед ней царевич на колени и говорит:

— Откуда ты, красавица нездешняя, небывалая?

А она отвечает:

— Я из города не дальнего, не близкого — Ремнём-битова!

Ничего не понял царевич. За ней шёл, глаз своих от красавицы не отрывал. Вот уже день прошёл и вечер кончается, а царевич ни жив ни мертв, горюет, отцу жалуется:

— Батюшка царь-государь, пробыёт час, и опять исчезнет моя любимая! И тогда уж не найти её больше, не увидеть! Помоги мне, царь-отец!

Пожалел сына царь, приказал слуге ручку у дверей смолой вымазать. Как настало время Тухкимус за печь идти, пошла она из дворца, за ручку взялась, рукавичка-то золотая у неё к двери и пристала.

Едва утро настало, слуги царские указ объявили: всем, всем, всем девушкам-невестам во дворец явиться медный чепец, серебряную туфельку и рукавичку золотую примерять.

День проходит — меряют, никому не впору ни чепец, ни туфелька, ни рукавичка. Ни медная, ни серебряная, ни золотая. Другой день проходит, третий... Никому в государстве не подошли. Загрустил царевич, затосковал.

Тут старшие сестры и решили царевича развеселить и тем царскую милость к себе вызвать. Прибежали к царю, наперебой говорят:

— Ваше величество, царь-государь! Мы способны царевича от безнадёжной любви излечить, утешить, развеселить так, что он смеяться будет!

Царь говорит:

— Он у меня сын единственный, я вас за то по-царски награжу. Та из вас, что ему приглянется, женой его станет, а другой половину царства отдам!

Побежали сестры в избу, вытащили из-за печи Тухкимус, к царю потащили. А она идти не хочет, вырывается.

Тащат её сёстры, смеются, потешаются:

— Иди, красавица чумазая, пугало огородное, замарашка чумичная! Мы тебя во дворец ведём, царю показывать, царевичу в невесты сулить!

Привели Тухкимус во дворец. Как вошла она, так все с хохоту покатались. И даже царёв сын слёзы лить перестал, рассмеялся.

Обидно стало Тухкимус, что и он над ней потешается. Не утерпела, заплакала. Всего одна только слеза по щеке её скатилась. Скатилась та слеза и смыла с лица её сажу.

Смотрит царевич — глазам своим не верит: щеки у Тухкимус розовые, нежные, прекрасные. Схватил он чепец, надел на неё, а он впору Тухкимус, для неё шит!

Примерили туфельку — с её ноги! И рукавичка ей одной по руке! И сказал царевич Тухкимус:

— Прости меня, красавица! Одежка-то одежкой, а ведь в ней — человек!

Взял её за руку, к царю и царице подвёл и говорит:

— Родители мои, батюшка с матушкой, вот мы перед вами: это я, а это невеста моя любимая, благословите нас!

Благословили родители молодых, они и поженились!

Сыграли свадьбу весёлую. А потом царевич царём стал, а Тухкимус — царицей. Стали они жить хорошо и в мире.

Вот и сказка вся — такой вот длины, такой красы.

МОРСКАЯ НЕВЕСТА

латышская сказка

авно это было. У самого моря стоял маленький домишко, и жил в нём бедный рыбак. Что наловит в море, только тем и сыта его большая семья.

А тут случилось так, что восемь дней подряд в его сети ничего, кроме тины и водорослей, не попадало. Изголодались все. На девятый день с первыми лучами солнца вышел рыбак в море. Но и в этот день ни одна рыба

не заплывала в его сети. Совсем загоревал бедняга. Как вернуться с пустыми руками к голодным детям?! А солнце уж к морю клонится.

Откуда ни возьмись, плывёт к нему лодка. Да не малая: девять человек в ней видны. Кричат из лодки:

— Эй, рыбак! Много ли рыбы наловил?

— Какое там! Девять дней ничего поймать не могу,— сказал и обмер.

Лодка подплыла близко, и стало видно, что в ней не девять человек, а один — о девяти головах.

— Так и дальше у тебя пойдёт,— говорит Девятиголовый,— пока не отдашь мне в батраки своего старшего сына. Сам с голоду пропадёшь и детей всех уморишь.

Растерялся рыбак. Слова вымолвить не может.

— За сына не бойся,— говорит Девятиголовый.— Работа у меня не тяжёлая. Кормить я его буду досыта. Ещё и платить стану. А уж рыба в твои сети сама поплывёт. Завтра на восходе солнца буду ждать у Большого камня. Приводи — не пожалеешь,— сказал и уплыл.

Вернулся домой рыбак. Рассказал всё как было. Смотрят все на старшего сына, а он говорит:

— Что ж, отец, веди меня завтра к этому — Девятиголовому. Не помирать же всем с голоду. Да и не боюсь я его. Веди.

Чуть край солнца стал подниматься из-за моря, подошёл рыбак с сыном к Большому камню. А Девятиголовый уж там. Посадил паренька в лодку и поплыл.

Смотрит им рыбак вслед, а ничего не видит. Слёзы глаза туманят. Жаль сына. Своими руками отдал его неведомо кому, неведомо куда. А как не отдать, когда голод замучил!

Долго плыл Девятиголовый по морю. Наконец из-за моря поднялась гора. К ней и подплыли. Вышел Девятиголовый из лодки и исчез.

Ждёт-пождёт его паренёк. Вот уж солнце и на полдень поднялось, и на закат повернуло, и к морю спускаться стало. А Девятиголового всё нет как нет.

Вылез парнишка из лодки. Лодку на берег втащил. А куда идти — не знает. Подошёл он к горе. В горе нору увидал. Заглянул, а вдалеке — словно светится что-то.

Полез парень в гору. Идёт, а ход всё выше и больше становится. Шёл, шёл — и пришёл к медным воротам. Дальше пути нет. Постоял паренёк, да и стукнул слегка в ворота. Ни ответа, ни привет. Стукнул тогда он погромче — опять никакого ответа.

Тогда паренёк заколотил в ворота что есть мочи.

Открылись ворота. Вышла пригожая девушка, спрашивает:

— Откуда это ты, такой смелый, взялся?

— Хозяина я ищу. Девятиголовый в батраки меня нанял. Может, знаешь, где он?

— Здесь он. С утра спит крепким сном.

— Утром он меня и привёз. Я всё его в лодке дожидался. Он ушёл, ничего не сказал. А теперь уже дело к ночи...

— Какой терпеливый выискался! Голодный небось? Пойдём, накормлю.

Накормила его девушка, спрашивает:

— Боишься Девятиголового?

— Нет, не боюсь.

— Думаешь, угодить ему сумеешь?

— Не знаю. Стараться буду.

Понравился паренёк девушке. Говорит она ему:

— Угодить Девятиголовому ты не сможешь. Перехитрить да победить его я бы тебе помогла, кабы ты меня слушал во всём.

— Всё сделаю, как скажешь. Я не трусливый.

— Ну, слушай. Скоро проснётся Девятиголовый. Станет тебя посылать работать, а ты говори, что нанимался работать днём. А ночью глаза у тебя слепнут: не видишь ты ничего. Станет он тебе грозить, а ты своё тверди. Не отступай. Станет он тебя бить, мучить, а ты терпи и молчи. Голоса не подавай. Не испугаешься?

— Выдержу.

— Вот, коли выдержишь, я скажу, что дальше тебе делать.

Как сказала девушка, так всё и случилось.

Проснулся Девятиголовый и стал паренька посылать работать. А тот и говорит, что ночью ничего не видит. Работать только днём может. Девятиголовый обозлился. Стал его толкать, стал грозить. А паренёк всё своё твердит: «Ночью я ничего не вижу. Я днем работать нанимался».

Набросился тут на него Девятиголовый. Стал его бить, мучить по-всячески.

А паренёк молчит. Терпит.

Бил его, бил Девятиголовый, а парнишка хоть бы звук про-
ронил. Закусил губы, терпит.

Устал наконец Девятиголовый бить его. Отшвырнул паренька в сторону. Плюнул с досады: «Так я и не услышал его голоса! У, проклятый! Каменный, что ли?!» — плюнул ещё раз и пошёл спать.

Как захрапел Девятиголовый, пришла девушка.

— Молодец, — говорит, — выдержал!

А молодец ни рукой, ни ногой шевельнуть не может. Как отшвырнул его Девятиголовый уходя, так он и лежит.

Присела над ним девушка, стала каким-то зельем смазывать ему раны, ссадины. И паренёк вдруг почувствовал, что всю боль как рукой сняло, а сам он — словно больше, сильнее стал. Дивится он.

— Не дивись, паренёк, — говорит ему девушка. — Это к тебе перешли силы Девятиголового. Сколько у Девятиголового сил убыло, пока он тебя мучил, столько у тебя их прибыло. Поешь да спи. Много тебе ещё надо набраться сил, чтобы одолеть Девятиголового. В следующую ночь он тебя снова будет мучить.

Не оплошай: терпи молча.

В следующую ночь всё повторилось. Стал Девятиголовый посылать паренька работать, а тот своё твердит:

— Я, хозяин, нанимался днём работать. Ночью я не могу. Я ничего не вижу.

Как услышал это Девятиголовый, давай его что есть силы мучить.

Стиснул паренёк зубы, терпит.

Долго бил-колотил его Девятиголовый. Наконец устал, плюнул снова.

— Вот проклятый какой! — говорит. — Так голоса и не подаёт. Выругался и пошёл спать.

Как слышался храп его, пришла девушка. Залечила пареньку раны своим зельем. И как только прошла боль, почувствовал он, что против вчерашнего силы у него удвоились.

Говорит ему девушка:

— Нет, этих сил ещё мало. Придется тебе ещё терпеть.

В третью ночь Девятиголовый мучил паренька ещё страшнее.

Терпит парнишка, терпит, но когда показалось ему, что больше он выдержать не сможет, — бросил его Девятиголовый. Выбил-ся он из сил, зубами со злости заскрипел.

— Тьфу! Надо же! Так до сих пор и не услышал я его голоса! Ушёл Девятиголовый. Завалился спать.

Пришла девушка. Залечила зельем все раны, все царапины, все ушибы.

Говорит ей парень:

— Знаешь, у меня против вчерашнего сил втрое прибавилось! Обрадовалась девушка.

— Это хорошо,— говорит она.— Я тебе припасла острый меч и вот это зелье. Бери меч и иди руби Девятиголовому его поганые головы. Торопись. Не давай ему новых сил набраться. Только помни: станет он тебя огнём жечь—заливай этим зельем огонь и руби, руби его что есть силы. Пока не срубишь ему все головы, не отступай и не медли.

Схватил парень меч, бросился к Девятиголовому и отрубил ему сразу три головы.

Рассвирепел Девятиголовый. Стал жечь парня огнём.

А парень от огненных языков, как угорь, увертывается, зельем огонь заливает.

Долго они так бились. Наконец стал Девятиголовый ослабевать. Тут парень собрался с силами и одну за другой отсек головы.

Как упала последняя голова, содрогнулась гора, а потом загрохотало всё вокруг и на том месте, где была гора, появился прекрасный город.

Подошла тут к парню девушка и говорит:

— Коли любя я тебе—будь королём в этом городе.

— Ты добрая и красивая девушка. Я тебя полюбил, как только увидел. Но кто ты?

— Я дочь морского короля,— говорит девушка,—моего отца убил Девятиголовый. Королевство наше он заколдовал, а меня держал в неволе. Теперь власть Девятиголового кончилась. И мы можем сегодня же отпраздновать нашу свадьбу.

— Нет,— говорит парень,—я на свадьбу должен родных позвать. Да надо, чтобы и приятели мои сплясали на нашей свадьбе!

— Будь по-твоему,—согласилась девушка,—зови всех. Вот тебе мой перстень. Поверни три раза его вокруг пальца, и где захочешь—там сразу и будешь. Только смотри, не хвастайся мной, а то быть беде.

Надел парень перстень невесты на палец, повернул его три раза—и он уже дома. То-то рады были отец с матерью! Они уже не чаяли сына живым увидеть, а он вдруг сильный, большой да ладный, как с неба свалился! Рассказал он тут всё, что с ним произошло, позвал отца с матерью на свадьбу и пошёл родных да приятелей звать.

Идти ему мимо барского двора. А барин по двору прогуливался. Увидел парня, давай его расспрашивать — делать-то ему нечего.

— Где же это ты пропадал? Давно тебя не видел.

— За морем счастья искал, — отвечает парень и уйти хочет.

— Ну и нашёл счастье? — продолжает расспрашивать барин.

— Нашёл. Иду звать родню да приятелей на свадьбу.

— Ну, а кто же невеста твоя?

— Девушка добрая.

— А хороша она собой?

— Не знаю, барин, как и сказать.

— Может, так красива, как моя старшая дочь?

— Да нет, барин.

— Может, так хороша, как моя средняя дочка?

— Нет, барин.

— Может, так прекрасна, как моя младшая доченька?

Рассердился тут парень, да и говорит:

— Да отстань ты, барин, от меня со своими дочерьми! Где им тягаться с моей невестой! Она во сто раз красивее их!

Только сказал так-то — и не стало тут на пальце перстня.

Идёт он по дороге, горькими слезами заливается. Как он теперь к невесте своей вернётся? Где найдёт её? А по дороге, на встречу ему, идёт старая бабка. На плече у неё вязанка дров, и под тяжестью их она еле идёт, согнулась вся. Пожалел её пареньёк.

— Давай, бабушка, я тебе помогу. — И взял у неё с плеча вязанку.

А была это не простая бабушка, а сама матушка Лайма, — та, что добрым людям счастье приносит. Остановилась матушка Лайма, спрашивает:

— Ты чего плакал, сынок?

Рассказал парень ей всю правду. Говорит ему матушка Лайма:

— Ты почему же не послушал невесту? Добрый совет она тебе дала.

— Да я, бабушка, не хвастался. В сердцах с языка сорвалось. Обидно мне стало за невесту мою!

— Ну, ладно! На тебе башмачок. Надень его и беги к Луне. Расспроси её, как найти дорогу к заколдованному городу-горе.

Тут только парень и понял, какое счастье ему на долю выпало. Бросился он к Луне, спрашивает он её о дороге. А Луна говорит:

— Я гуляю по ночам. Не заметила я дороги. Спроси лучше Солнце.

Прибежал парень к Солнцу. Просит:

— Укажи мне дорогу к заколдованному городу-горе. Невеста там у меня осталась. Помоги мне.

— Не знаю я этой дороги,— отвечает Солнце.— Спроси у Отца ветров. Может, он тебе и поможет. Ветры всюду летают, все щели знают.

Помчался он к Отцу ветров. Стал просить его указать ему дорогу.

Выслушал его рассказ Отец ветров, взял двенадцать свирелей и подул в них. Одиннадцать ветров тотчас прибежали. Только двенадцатого, северного, не было. Тогда дунул Отец ветров ещё раз, да так, что горы задрожали, а деревья к земле склонились.

Прошло немало времени. Хотел Отец ветров дунуть ещё раз, только поднёс свирель к губам — северный ветер Зиёмелис тут как тут.

— Где это ты замешкался?

— Прости, Отец. Что прикажешь? Далеко я был, у заколдованной горы.

— Вот это мне и надо. Отведи туда этого парня.

— Что ты, батюшка, где же ему за мной угнаться?

— Не мели пустяков! У него на ноге башмачок матушки Лаймы.

Полетел Зиёмелис, парень — за ним. Не отстаёт, на пятки ветру наступает. Раз, два, три — вот и заколдованная гора.

Парень, как увидел свою морскую королевну-красавицу, — от счастья не знает, что и сказать. В тот же день женился он на красавице. И живут они счастливо до сих пор.

Но уж больше он никогда, даже сгоряча, не хвастает.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ БОРОВ

румынская сказка

ивало-бывало, да навек пропало...

Жил-был царь, и было у него три дочери. Вот как-то, отправляясь на битву, позвал он их всех и говорит такие слова:

— Дорогие мои, вынужден я отправиться на войну. Враг с большим войском идёт на нас. Горько мне расставаться с вами. Живите без меня тихо-мирно, ведите себя как подобает

и о хозяйстве заботьтесь. Даю вам полную волю по всему саду гулять, по всем палатам дворца, только в одну палату в глубине дворца, в правом углу, не заходите и не заглядывайте, а то худо будет.

— Будь спокоен, батюшка,— ответили дочери.— Мы никогда из твоего послушанья не выходили. Поезжай без заботы, и дай тебе бог со славной победой вернуться.

Перед самым отъездом царь оставил им ключи от всех палат, да ещё раз напомнил, чтобы не забывали про отцовский наказ,— и простился.

Царевны в слезах руку ему поцеловали, пожелали скорой победы, а старшая ключи приняла из рук царя-батюшки.

Остались царевны одни, не знают, что им и делать, до того им одним тошно и скучно. После уж, чтобы грусть-тоску разогнать, порешили часть дня работать, другую часть — книжки читать, а третью — по саду гулять. Так и сделали, и житьё наладилось.

Но лукавый злобу таил на их мирный покой и вмешивался, стал их искушать.

— Сестрицы мои, — говорит как-то самая старшая, — день-деньской мы только и делаем, что прядём, шьём да читаем. Всего-то несколько дней прошло, как мы остались одни, а в саду ни одного уголка не осталось, где бы мы не гуляли. Все палаты в батюшкином дворце обошли и видели, сколько в них красоты и богатств... Что если мы и в ту палату зайдём, куда батюшка не велел ходить?

— Ой, сестрица! — встревожилась младшая. — Удивляюсь, что это тебе вздумалось подговаривать нас батюшкиного наказа послу-

шаться? Когда батюшка не велел нам туда заходить, он, поди, знал, что говорил и зачем предостерегал нас от этого.

— Э, небось ничего страшного не случится, если мы заглянем туда,—вставила своё слово средняя.— Не драконы же там заперты, чтобы съели нас, и не другое какое зверье. Да и откуда батюшке знать, заходили мы туда или нет?

Рассуждают так, друг друга подзуживают, а сами уже возле той палаты; старшая из сестёр, у которой ключи хранились, сунула ключ в замочную скважину, повернула легонько, он — скрип! — и дверь отворилась.

Царевны зашли в палату.

И что же увидели? В горнице никаких украшений. Только посередине стоит большой стол, на нем дорогой ковёр, а на ковре — большая открытая книга.

Царевнам любопытно, что в той книге написано. Старшая подошла и читает:

«Старшая дочь этого царя выйдет замуж за царевича, сына царя с востока».

Тут и средняя сестра подошла к столу, перевернула листок и прочитала:

«Средняя дочь этого царя выйдет замуж за царевича, сына царя с запада».

Царевнам стало смешно, развеселились, хохочут, шутят между собой. А младшая не решается к столу подходить. Да только сёстры от неё не отстали, чуть не силой к столу подвели, и она с опаской тоже перевернула листок и читает:

«Младшая дочь этого царя выйдет замуж за борова».

Порази её в эту минуту громом, и то бы, кажись, было не хуже, чем от этих прочитанных слов. Чуть богу душу не отдала, чувств лишилась от горя. И если бы сёстры её не подхватили, упала бы и разбила голову.

А как только очнулась, сёстры её ласкать, уговаривать.

— Да что это ты,—говорят,—уж и поверила! Да где это видано, чтобы царскую дочь за борова замуж выдали?

— Ах, да ты дитя малое! — говорит и другая сестра.— Да разве у батюшки мало войска, чтобы избавить тебя, коли этакая мерзкая скотина заявится свататься?

Младшая царевна и рада бы поддаться на уговоры и поверить сёстрам, да сердце ей другое подсказывает. Мысли вертятся вокруг этой книги, которая сёстрам счастливое замужество предвещала, а ей предсказала такое, чего до тех пор не бывало на всём белом свете. Да и совесть грызла, что батюшку-царя ослушалась.

И стала она чахнуть. За несколько дней так изменилась, что не узнать. Раньше была румяная да весёлая, а теперь пожелтела и ничего ей не мило. Нет охоты ни резвиться в саду с сёстрами, ни цветы рвать да венки плести, ни петь вместе с ними, когда они рядышком прядут или вышивают.

Между тем царь-батюшка неожиданно-негаданно врага одолел и прогнал. И, о дочерях иззаботившись, поспешил как можно скорее домой воротиться. Народ везде ему навстречу выходит, люди в трубы трубят, в барабаны бьют, в дудки дудят — радуются, что царь с победой домой возвращается.

Вот приехал царь и, ещё в дом не зайдя, богу помолился, благодаря за то, что помог ему одолеть недруга, который пошёл на него войной. А после — в дом, а там царевны вышли его встречать. Видя, что дочери живы-здоровы, царь ещё больше обрадовался. Младшая, как могла, печаль свою старалась не показывать.

Но вскоре царь сам догадался, что с младшей дочерью что-то неладное, тает изо дня в день, хмурится. И вдруг его как ножом по сердцу: неужто дочери его наказа ослушались? Может, всё оттого?

Желая увериться, вызвал он дочерей, расспрашивает, требует всю правду выложить.

Они и признались. Но остереглись, не сказали, которая других подговаривала.

Сильно опечалился царь, узнав, что его дочери натворили, чуть не сразило его горе-несчастье. Но он сердце своё скрепил и, видя, что дочь его на глазах пропадает, старался утешить её. Что сделано, то сделано, теперь никакие слова не помогут, всем им грош цена.

Долго ли, коротко ли, стали они об этом случае забывать. Но вот однажды приезжает во дворец один царевич, сын царя с востока, и просит отдать ему в жёны старшую дочь. Царь согласился с охотой. Свадьбу сыграли на славу и через три дня проводили молодых до самого рубежа. Вскоре и средняя дочь замуж вышла за сына царя с запада.

А младшая царевна, убедившись, что всё исполняется, как в той книге сказано, стала ещё пуще прежнего сохнуть, печалиться. Нарядаться не хочет, гулять не выходит, есть-пить отказывается; уж лучше она умрёт, чем выставит себя на посмешище. Но царь не допустил, чтобы она привела в исполнение это нечестивое дело, и всё утешал её, успокаивал.

Время шло, и вот однажды явился к царю огромный боров; зашёл во дворец и говорит:

— Приветствую тебя, царь! Желаю здравствовать в радости, как восходящее солнце в ясный день.

— Добро пожаловать, братец. Каким ветром тебя ко мне занесло?

— Я пришёл свататься,— ответил на это боров.

Царь подивился, что боров так складно, разумно речь ведёт, и сразу смекнул, что тут дело не чистое. Он было хотел увернуться, не отдавать свою дочь, но как узнал, что вместе с женихом явилось свиней тьма-тьмушая, по двору и по улицам не пройти, делать нечего, пришлось обещать. Но боров одним обещанием не удовольствовался, завёл беседу и порешили на том, что свадьбу сыграют через неделю. Только после того, как царь слово дал, боров ушёл.

Пока суд да дело, царь дочь свою наставляет, мол, коли на то божья воля, надобно ей судьбе своей покориться. А ещё говорит:

— Доченька, по речам да по разумному поведению этот боров вовсе не боров. Хоть убей меня, не поверю, что он свиньей и родился. Тут какое-то колдовство, чары. А ты будь послушна и словам его не перечь. Бог не допустит, чтобы ты зазря мучилась.

— Коли ты, батюшка, думаешь, что так оно лучше будет, я покорюсь и стану на бога надеяться,— ответила дочь.— На всё божья воля. Видно, такая уж у меня судьба, ничего не поделаешь.

Но вот и день свадьбы пришёл. Обвенчались они тайком. А после свадьбы посадил царь свою дочь с боровом на телегу и — проводил в путь-дорогу.

По дороге попала им большая грязная лужа. Боров приказал остановиться, слез с телеги, хорошенько вывалялся в грязи, потом опять рядом с невестой сел и велел ей поцеловать его. Что делать бедной царевне? Достала платочек, рыло у борова маленько обтерла и поцеловала, помня, что обещала батюшкин наказ исполнять.

Приехали домой к борову, а дом-то в глухом лесу, и уже вечереть стало. Посидели, отдохнули с дороги, вместе поужинали и спать легли. Ночью царевна почувала, что рядом с ней — человек, а не боров. Удивилась она. Вспомнила батюшкины слова и приободрилась, надеждой утешившись.

Боров-то по ночам свиную шкуру незаметно для царевны сбрасывал, а утром, пока она спит, опять надевал.

Прошла ночь, другая, прошло несколько, а царевна в толк не возьмёт, отчего это муж её днём в образе борова, а по ночам — человек. Не иначе как тут колдовство, замороженный он.

Вскоре почувствовала она плоды своего замужества и полюбила его. Одно только её и печалило, что не знала, кого в своё время на свет произведет.

Как-то видит—проходит мимо колдунья, Баба Яга. А она столько времени всё одна да одна, стосковалась по людям, и стала зазывать к себе старую—поговорить о том да о сём. Колдунья сказала, что она погадать ей может, зелья дать, если надобно, и заговоры всякие знает.

— Ах, доброго здоровья тебе, бабушка, до глубокой старости! Скажи ты мне, отчего это мой муж днём боров, а ночью, когда рядом со мной лежит, я чувствую, что он человек?

— То, о чём ты, голубица, меня сейчас спрашиваешь, я тебе наперёд собиралась сказать, ведь недаром ворожеей слыву. Даст тебе старая снадобий—и чарам конец.

— Дай поскорее, матушка, я заплачу, сколько запросишь, уж больно мне опостылело видеть его таким.

— Вот, держи, голубица, эту ниточку. Да чтоб он не узнал, а то не поможет. Встанешь тихонько, когда он спит, и завяжешь ему левую ногу, да потуже, и увидишь, милая, что утром он человеком останется. А денег мне от тебя не надобно. Лучше всякой расплаты мне будет весть, что ты избавлена от злой участи. А то

ведь от жалости к тебе у меня сердце разрывается, цветочек ты мой лазоревый, и уж так я себя корю, так корю, что раньше про тебя не прознала да не пришла помочь!

Ушла злая колдунья, царевна нитку подальше припрятала, а ночью — волшебницы и те бы не почуяли — неслышно поднялась, сердце колотится, и стала мужу ногу обвязывать. Только хотела узел затянуть, нитка оборвалась: гнилая была.

Муж проснулся, перепугался, корит:

— Что ты, несчастная, сделала?! Три дня всего оставалось мне, и избавился бы я от этого проклятого колдовства. А теперь кто знает, сколько ещё придется носить эту ненавистную свиную шкуру. Ухожу я, и ты меня только тогда найдешь, когда три пары железных постолов износишь и стальной посох источишь.

Сказал эти слова и исчез.

Оставшись одна-одинешенька, бедная царевна давай плакать да причитать, сердце на части рвёт. Проклятую ворожею клянёт, да что толку-то? Слезами горю не поможешь. Поднялась и пошла куда глаза глядят, куда божья милость да тоска по мужу направит.

Пришла в город, заказала три пары железных постолов и стальной посох, собралась в дорогу и пошла мужа искать.

Шла, шла, шла, тридевять земель, тридевятое царство прошла, одолела леса дремучие, где стволы деревьев как бочки, о бурелом спотыкалась, падала, вставала да опять шла; ветки по лицу бьют, сучья руки царапают, а она всё идёт, назад не оглядывается. Измученная, горем убитая да ещё на сносях, но с надеждой в душе, дошла до избушки.

А в той избушке жила святая Луна.

Она у ворот постучалась, попросилась переночевать, потому как ей срок родин пришёл.

Мать святой Луны сжалилась, пустила её и помочь помогла. А после спрашивает:

— Как это так случилось, что человек из другого мира мог досюда добраться?

Бедная царевна ей обо всём поведала и напоследок сказала такие слова:

— Перво-наперво надобно мне бога благодарить, что направил мои шаги в эти леса, а потом я тебе благодарна, что не оставила меня на погибель, когда родить время пришло. А теперь я тебя спрошу: может, твоя дочь святая Луна знает, где мой муж?

— Не может она этого знать, милая, — ответила мать святой

Луны.— Но ты иди на восток, пока не придёшь к святому Солнцу, может, ему что и известно.

Подала ей жареную курицу, накормила, наказала косточки не выбрасывать, они ей ещё пригодятся.

Царевна ещё раз поблагодарила её за привет да за добрый совет, сбросила разбитые постолы, надела другие, завязала куриные косточки в узел, взяла младенца и посох и опять пошла.

Шла, шла, шла, всё через пустынную степь да пески; до того тяжело идти, что два шага вперёд шагнёт, шаг назад. Уж как она мучилась, пока эту степь миновала, а дальше горы высокие встали, острые скалы—выступы да впадины. Она с камня на камень, с зубца на зубец карабкается. Доберётся кое-как до ровного места, от радости сама не своя, будто бога за бороду ухватила, отдохнёт маленько и опять вперёд и всё идёт да идёт. Острые камни в кровь ободрали ей и ступни, и колени, и локти. Надо сказать, что горы-то были высокие, поднимались за облака. Когда попадалась пропасть, через которую перескочить невозможно, приходилось вниз да вверх на карачках ползти, опираясь на посох.

Долго ли, коротко ли, царевна, совсем из сил выбившись, добралась до больших палат.

А там Солнце жило.

Постучала она в ворота, попросилась переночевать. Солнцева мать пустила, изумилась, увидев перед собой человека из другого мира, а когда царевна рассказала ей про свои мытарства, всплакнула от жалости. Обещав, что выпросит у сына, не встречал ли где её мужа, спрятала царевну в погребе, чтобы Солнце, придя домой, не почуяло её: вечерами оно всегда сердится.

На другой день царевна узнала, что чуть было в беду не попала. Солнце почуяло дух человека из другого мира. Но мать его успокоила ласковыми словами, мол, это ему только кажется. Царевна приободрилась от такой доброты Солнцевой матери и осмелилась даже спросить:

— Как же так, матушка, отчего Солнце сердится, ведь оно такое славное, распрекрасное и столько добра людям делает.

— А вот отчего,— отвечает ей Солнцева мать.— По утрам оно стоит у райских ворот и потому ему весело и оно всем улыбается. А за день Солнце насмотрится на нечестивые человеческие дела, тошно станет ему, оно и начнёт огнём палить, и душно делается. А к вечеру оно сердится и печалится оттого, что у ворот ада стоит. Этот путь оно всегда проходит и потом домой возвращается.

И ещё сказала, что про её мужа сына выпрашивала, да Солнце ответило, что ничего не знает, тот, поди, где в дремучем лесу, а ведь Солнце не может во все тёмные уголки да в чащу проникнуть, так что ей только и надежды, что к Ветру пойти.

Дала ей тоже курицу, накормила, а косточки велела хранить. Сбросив другую пару сношенных постолов, царевна взяла узелок с косточками, младенца, посох и пошла к Ветру.

На этот раз ей ещё труднее пришлось: на пути одна за другой кремневые горы вставали, а из них пламя било; дремучие, нехоженные леса попадались и ледяные поля в сугробах. Бедная чуть было не погибла, но с божьей помощью да с упорным желанием одолела и эти превеликие трудности, и дошла до берлоги под горной скалой, огромной — семь крепостей вместится.

Там жил Ветер.

Вокруг забор, а в заборе калитка. Она постучала, переночевать попросилась. Мать Ветра её пожалела, пустила и тоже спрятала, чтобы Ветер её не почуял.

А наутро сказала, что муж её живет в дремучем лесу, где топор ещё не бывал; там он бревенчатую избушку поставил, связав

бревна лозой, и живёт один-одинёшенек, укрываясь от злых людей.

Тоже дав ей курицу и наказав сохранить косточки, мать Ветра посоветовала царевне всё время держаться Млечного Пути, который ночью на небе видать, и до тех пор идти, пока не дойдет.

Царевна так и сделала. Со слезами поблагодарила она за привет и добрую весть и пошла. Дни и ночи бедняга шла — ни до еды, ни до отдыха. Столь горячо желала она найти суженого.

Шла, шла, шла, износила и третью пару постолов. Сбросила их, босиком пошла. Комья глины не обходила; на колючки, которые ей в ноги впивались, не глядела; запинаясь за камни, боли не чувствовала.

И в конце концов вышла на весёлую зелёную лужайку у самой опушки леса. Радостно стало у неё на душе, как увидела цветочки да мягкую траву. Посидела, отдохнула. Смотрит: птички на ветках все парами, и такая тоска на неё навалилась — душа изболевается. Заплакала она горькими слезами, взяла младенца на руки, узелок с куриными косточками через плечо перекинула и опять пошла.

Зашла в лес. Ни на сочную мураву под ногами не глядит, ни оглушительного птичьего гомону не слушает, ни цветочков, что прячутся в чаще, не рвёт, а идёт по лесу наугад. Догадалась, что по всем признакам, о которых ей мать Ветра сказала, суженый её, должно быть, в этом лесу живет.

Три дня и три ночи блуждала она по лесу и ничего не нашла. И до того намучилась, что упала и пролежала целые сутки не двигаясь, не пивши, не евши.

Потом собралась с силами, поднялась и неверными шагами, стараясь опираться на посох, от которого не было толку, потому что он весь источился, попыталась дальше идти. Только жалость к младенцу, который без материнского молока остался, да тоска по мужу, которого она с такой верой искала, и помогли ей ещё двигаться. Прошла так с десятков шагов и видит: сквозь чащу вроде бы мелькнула изба, про какую говорила мать Ветра; пошла она в ту сторону, едва добралась. А изба без окошек и без дверей. Двери-то, поди, наверху. Обошла она вокруг избы. А лесенки нет.

Как быть? Хочется ей в избу попасть.

Стала думать-гадать. Попробовала карабкаться — попусту. Опять к ней тоска подбирается. Да неужто ей потонуть у самого берега?! И вдруг про куриные косточки вспомнила, которые всю дорогу с собой таскала. Думает: не зря же мне было наказано сохранить эти косточки, мол, они мне в нужде пригодятся.

Развязала узелок с косточками, посчитала их, поразмыслила, взяла две косточки, приставила их концами одну к другой и видит: они мигом срослись. Приставила ещё одну — и эта срослась.

Сделала она так из косточек две жердины с избу высотой. Прислонила их к стене на вершок одна от другой. Потом из других косточек, приставляя их одну к другой, наделала перекладин и стала их приставлять к жердинам. Как приставит перекладину, она тут же срастается. И так до самого верху. Приставит ступеньку, поднимется, приставит другую, опять шагнёт — и добралась до верху. А на самом верху не хватило ей косточек ещё на ступеньку.

Как быть? Без этой ступеньки никак не обойтись. Видно, она одну косточку потеряла. Тут царевна себе мизинчик отрезала и только приложила его, ступенька срослась. Взяла она младенца, по лестнице поднялась и в избу зашла. Удивилась, какой там порядок, да и сама похозяйничала. Потом передохнула, положила младенца в найденное в избе корытце и на постель поставила.

Муж, вернувшись домой, испугался, когда лесенку увидал.

Глазам не верит, разглядывает ступеньки из косточек, с пальцем на самом верху. Боязно ему: мол, вдруг опять это какое-нибудь колдовство, и хотел было он бросить избу да уйти, но бог надоумил всё-таки заглянуть.

Обернулся он голубком, чтобы его колдовство не коснулось, пролетел над лесенкой и в избу влетел. И видит: женщина над ребёнком хлопочет.

Вспомнил он, что его жена была на сносях, когда он покинул её, и такая тоска на него напала и жалость, как подумал, сколько перетерпела она, пока до него добралась, что тут же стал человеком.

Еле узнал её, так изменилась она от невзгод, от бездоля.

И царевна его увидала, вскочила, сердце от страху колотится, тоже не признала его.

После, когда он назвался и они опознали друг друга, она ни в чём не раскаялась и про все невзгоды забыла. Хорош и пригож был её муженёк!

Завели они разговор. Она про свои мытарства рассказывает, а он от жалости слёз удержать не может. Потом и он стал рассказывать.

— Я,— говорит,— царевич. Батюшка мой затеял войну со своими соседями, злыми драконами, которые на наши владения посягали, и в битве я одного, самого малого дракона, убил.

Как видно, судьбой-то ты мне была предназначена. И тогда его мать, колдунья, каких белый свет не видывал, прокляла меня—обрекла носить шкуру этой ненавистной скотины; мол, не будет того, чтобы я тебя в жёны взял.

Да бог не допустил, и я тебя взял. Это она, колдунья, нитку-то дала тебе ногу мою перевязать. Мне всего три дня оставалось, и я бы от проклятья избавился, а пришлось ещё три года в свиной шкуре прожить.

Я за тебя настрадался, ты—за меня, а теперь надо бога благодарить и к родителям возвращаться. Без тебя я хотел отшельником сделаться, оттого и выбрал это глухое место и избу эту поставил, чтобы ни одна живая душа не могла до меня добраться.

На радостях они обнялись, обещались друг другу про все свои несчастья забыть.

А на другой день раным-рано поднялись и отправились сначала к царю батюшке-свекру. Как только весть прошла, что царевич прибыл с женой, от радости все заплакали. Царь с царицей крепко обняли их, и веселье три дня и три ночи не прекращалось.

После этого они поехали к батюшке-тестю. Тот, увидев их, от радости чуть ума не лишился. Выслушал их рассказ про все злоключения, а напоследок сказал дочери:

— Помнишь, я не верил, будто боров этот, который к тебе по-сватался, боровом и на свет родился? Хорошо, что ты меня, дочь, послушалась.

Царь был стар, наследников у него не было, он им и отдал свой царский трон. И они царством правили, как правят цари, которым пришлось пережить всякие испытания, беды, нужду.

И, коли ещё не померли, то и сейчас живут, мирно царствуют.

Тут и делу венец, а сказке конец.

МУДРАЯ ЖЕНА

русская сказка

оехал царский сын на охоту. Гонялся за красным зверем да и не заметил, как заехал в незнакомое место. Коня остановил и не знает, куда тронуться, как выбраться на дорогу.

Поехал направо — лес стеной стоит; налево повернул — лес; нет нигде ни пути, ни дороги.

Так кружил он от вечерней зари до утренней. Конь под ним притомился, и сам из силы выбился, а лесу и конца-краю нет.

Поутру, как стало светать, заметил: стёжка вьётся. Обрадовался, направил коня по следу, и вывела его стёжка-дорожка из лесу на широкое поле, на чистое раздолье.

Окинул взглядом местность — деревню увидал. Добрался царский сын до деревни и повернул к избе, где дым из трубы столбом валил.

«Коли печь топится, — думает, — хозяева не спят».

Спешился, коня привязал, сам на крыльцо поднялся, вошёл

в сени и только дверь в избу размахнул, как видит — выскочила из-за кросен¹ девица, метнулась за печь и оттуда говорит:

— Худо, коли двор без ушей, а изба без очей! Не обессудь, добрый молодец, постой у порога.

Царевич думает:

«Что это она говорит? Уж в своём ли разуме?»

Потом спрашивает:

— Ты что, одна живёшь или родные есть?

— Зачем одна! — девица из-за печи отвечает. — Есть у меня отец с матерью да брат, только сегодня никого дома не случилось.

— Где они? — спрашивает гость.

— Родители пошли займы плакать, а брат угнал сто рублей на пятак менять.

И опять царский сын ничего не понял.

В ту пору девица вышла из-за печи.

Вскинул на девицу глаза царский сын да так и обомлел: до чего хороша девица! Весь белый свет обойти — эдакой не сыскать. Коса русая ниже пояса, голубые глаза ярче звёзд горят, щёки — маковый цвет, а сама вся будто утренняя заря.

Приветливо на гостя взглянула, промолвила:

— Проходи, садись да сказывай, как тебя звать-величать и за каким делом к нам пожаловал?

Опомнился царский сын, прошёл, сел на лавку и рассказал, как по лесу блуждал, как в деревню попал, а сам от девицы глаз отвести не может.

— Что это ты говорила про двор без ушей да про избу без очей — мне невдомёк.

Улыбнулась девица:

— А чего тут мудрёного! Была бы у нас собака на дворе, она бы залаяла на тебя, а я и услышала бы, что кто-то не свой идёт. Вот тебе и двор без ушей. А про избу без очей вот к чему сказала: были бы в семье дети, они бы в окно увидели незнакомо-го человека и мне бы сказали — вот и не застал бы ты меня врасплох, неприбранную!

— Ну, а про родителей да про брата что рассказывала? — гость спросил.

«Ой, какой бестолковый, недогадливый, будто неживой! А с виду ладный, пригожий», — подумала девица и ответила:

— Родители пошли на погост, на похороны — покойника оплакивать. А как придёт черёд, сами умрут — тогда добрые люди при-

¹ Кр ó с н ы — ткацкий станок.

дут их хоронить да оплакивать. А брат на сторублёвом коне поехал зайца гонять. Зайца заполюет — прибыли на пятак, а коня загонит — убытку на сто рублей.

Покуда так говорила, стол накрыла.

— Садись, позавтракай: чем богаты, тем и рады.

Накормила, напоила и дорогу указала:

— Вот так поезжай — не собьёшься и к вечеру домой попадёшь.

Уехал царский сын и с того дня затосковал: не ест, не пьёт — красная девица из ума нейдёт.

Родители сокрушаются: жаль сына.

Пирь и всякие потехи заводят — ничем не могут развеселить царевича.

— Надо его женить, — говорит старый царь. — Обзаведётся своей семьёй — и всю печаль как рукой снимет.

Велел царевича позвать.

— Вот что, сын любезный: пришла пора тебе своей семьёй обзаводиться: и годами ты вышел, и нам с царицей охота на внучат порадоваться. За невестой дело не станет. Любая царевна, любая королевна с радостью за тебя пойдёт.

— Есть и в нашем царстве девица неописанной красоты,— царевич отвечает.

— Добро! — молвил царь-отец.— Скажи, куда сватов засылать, в чьём боярском дворе зазноба завелась?

Рассказал царский сын, как он на охоте попал в незнакомую местность и как в дальней деревне увидал девицу-красавицу.

— Не царевна она, не боярышня: черносоловьиного крестьянина дочь мне по сердцу пришлась, и никакой иной невесты не надобно.

Царь ладонями всплеснул, ногой топнул:

— Век тому не быть, чтобы я с холопами породнился!

— Воля твоя, а мне лучше век не жениться, чем немилую взять,— поклонился сын отцу и ушёл в свою горницу.

Задумался царь:

«Теперь-то он из моей воли не выйдет, а как станет на царство после моей смерти — всё равно женится на холопке».

Пошёл к царице, рассказал всё, как есть. Та — в слёзы.

— Ой, пришла беда! Что станем делать?

— Я придумал,— царь говорит.— Эй, слуги, позовите царевича!

— Думали мы, гадали, с матерью-царицей совет держали, и вот тебе наша родительская воля,— сказал царь сыну.— Коли исполнит девица три задачи, будь по-твоему — женись на ней; а не исполнит, пусть пеняет на себя: не топтать ей больше зелёной травы.

И подал один льняной стебелёк:

— Перво-наперво пусть из этого льна пряжи нарядит, из пряжи той полотна наткёт да мне рубашку сошьёт. Погляжу, какова мастерица, в рукоделье искусница!

Повёз царский сын отцовский наказ.

Увидела его девица в окно, выбежала на улицу. У ворот гостя встретила, ласково взглянула:

— По доброй воле заехал или неволя привела?

Забилось сердце у царевича. Стоит он, с ноги на ногу переминается, молчит. Потом осмелился и проговорил:

— Полюбилась ты мне, девица-душа! Приехал я тебя замуж звать.

Зарделась девица и стала ещё краше. Потом чуть слышно промолвила:

— Коли так привелось, видно, так тому и быть. Люб и ты мне. Мои родители перечить не станут, и тебе своих отца с матерью надо спросить.

Царевич без утайки рассказал всё, что дома было, и подал льняной стебель.

Выслушала девица царский наказ, улыбнулась. Потом выломала из веника берёзовый прут:

— Пусть из этого прута сделают прялку и челнок, пусть веретён наточат да бёрдо¹ приготовят что ни есть для самого тонкого полотна — тогда и я царский наказ исполню.

Воротился царский сын домой, подал царю берёзовый прут и сказал, о чём девица просила.

«Ну, ты хитра, а я похитрее тебя!»

Приказал принести сотню варёных яиц:

— Отвези невесте — пусть из этих яиц цыплят выведет и к свадебному столу откормит.

Выслушал царевич новый приказ, опечалился, а перечить не посмел; поехал к невесте.

Девица яйца приняла, принесла горшок с пшённой кашей и говорит:

— Отдай это пшено царю — пусть его посеют да просо вырастят: другого те цыплята не станут клевать.

Воротился царевич, отдал отцу кашу.

Выслушал царь девицыны слова и велел царевичу прийти через три дня.

Думал старый царь и день и другой; на третье утро встал весёлый, посмеивается:

— Ну, теперь будет холопка знать, как с царём тягаться!

Сына позвал:

— Поезжай, зови суженую в гости — надо нам перед свадьбой посмотреть будущую невестку. Пусть она будет не в платье, не без платья; не с подарком, не без подарка; не пешая, не конная, а верхом.

Приехал царевич к невесте, пересказал царский приказ.

Отец с матерью и брат запечалились:

— Ох, неспроста царь задал эдакую задачу!

И царевич загрузил.

А девица-краса веселёхонько отвечает:

— Передай родителям — пусть завтра после полудня ожидают!

Распростился жених, уехал.

Говорит девица:

— Поймай мне, братец, к утру живого зайца да живую перепёлку.

Брат тотчас отправился в лес.

Девица родителей утешает:

— Ни о чём не тужите, не печальтесь — всё дело уладится.

¹ Бёрдо — деталь ткацкого станка.

На другой день после полудня царь сидит в верхнем тереме, глядит в окно. Заметил девицу и дал слуге приказание: как только ворота перед ней откроют, спустить с цепи самых лютых кобелей.

А сам засмеялся:

— Только ты и жила на свете — в клочья разорвут!

Глядит в окно. Ближе и ближе девица... И видит, вместо платья на ней многорядно частая сеть накинута — не в платье, не без платья. Поводьями девица правит, прутом зайца взнузданного погоняет — не пешая, не на коне, а верхом.

И только девица ворота отворила, как бросились на неё страшные цепные псы!

Царь кинулся вон из терема, скорым-скоро спустился вниз, выбежал на крыльцо и видит: далеко-далеко за воротами скачет заяц, а за ним две собаки гонятся, расстилаются. Скрипнула ступень; глянул царь — поднимается по лестнице девушка, многорядно в частую сеть закутанная и столь красивая, что ни вздумать, ни сказать, ни пером описать.

Поклонилась девица и с улыбкою говорит:

— Много чести мне, коли сам царь на крыльцо встречать вышел! — Руки протянула: — Вот мой подарок.

Царь хотел подарок взять, а девица пальцы разжала, и в ту же минуту — порск! — перепёлка взвилась, мимо самого царского носа кверху поднялась.

Царь бороду задрал, в небо глядит.

— И не с подарком, и не без подарка, — улыбается девица. — Как наказано, так и есть.

Царь на перепёлку загляделся, оступился и кулем повалился под лестницу, только ступени трещат.

Кинулась девица на помощь. Слуги сбежались, помогли царю подняться. Стоит он, ойкает, бока почёсывает.

Царевич услышал шум, выбежал на крыльцо: увидел невесту — обрадовался. В ту пору и царь опомнился, приосанился.

— Ну, любезная гостья, уважила! Всё как есть по-моему сделала. Пойдём в покои, там тебя царица ждёт. — А сам думает: «Делать нечего, царское слово негоже нарушать. Ну, а вперёд видно будет».

Ухоронилась девица за смородинный куст, сбросила сеть и оказалась в нарядном платье. Все глядят на неё, не наглядятся; переговариваются между собой:

— Эдакой красоты век не видано!

И царица слёзы осушила, повеселела сразу, как только увидела девицу — ненаглядную красоту. Царь говорит:

— Все три задачи невеста исполнила. Теперь можно весёлым пирком да за свадебку приниматься.

Скоро свадьбу сыграли, и живут молодые душа в душу, не на радуются. Много ли, мало ли прошло времени, старый царь с царицей задумали поехать в иное царство, к царицыной сестре в гости. Перед отъездом царь сыну с невесткой говорит:

— Покуда не вернусь, ты, сын любезный, царством правь, — суды суди и ряды ряди, во всём твоя воля. А ты, невестушка, за кладовыми да за поварней гляди, добро береги и смотри, в царские дела не встревай — то дело не бабьего ума! Не слушаешь — на себя пеняй!

Уехали царь с царицей. А царевич как-то раз ездил на охоту. На обратном пути у городских ворот остановил его бедный мужик:

— Добрый человек, скажи, как мне царя повидать?

— А зачем тебе надо царя повидать? — спрашивает царский сын.

— А затем, — мужик отвечает, — чтобы узнать, совсем ли правда на свете перевелась?

— Почему ты думаешь, что правда на свете перевелась? — спрашивает царевич.

— Потому что бедный человек всегда и во всём кругом виноват, а богатый всегда и во всём прав,— отвечает мужик.

— Как так? — дивится царевич.

— А вот так,— мужик говорит.— Довелось мне вчера судиться с богатым соседом, и я на себе испытал, что богатый всегда прав и что в суде правды нет.

Расспросил царевич, с кем мужик судился и какой судья судил, потом говорит:

— Завтра в полдень приходи в царский дворец.

Воротился царевич домой и приказал позвать того судью и богатого крестьянина во дворец. На другой день собрались на царском дворе судья, богатый крестьянин и бедный мужик. В полдень вышел царевич на крыльцо, спрашивает бедного мужика:

— Говори, что надобно от царя?

— Чтобы по правде нас рассудил,— ответил бедный мужик и стал рассказывать: — Собрались мы с соседом на базар. В его телегу запрягли мою кобылу. В пути-дороге пристигла нас ночь, остановились в поле. Утром глядим — жеребёнок под телегой лежит: моя кобыла ожеребилась.

— Нет, врешь! — закричал богатый мужик.— Это моя телега ожеребилась!

Спрашивает царевич судью:

— Ты, судья, что скажешь? Кому жеребёнка присудил?

— Я судил по правде: чей жеребёнок, тому и присудил.— И на богатого крестьянина указывает: — Его жеребёнок.

— Как о том узнал? — царевич спрашивает.

— Так ведь жеребёнок-то под телегой лежал — стало быть, и ожеребилась телега, а не кобыла,— судья отвечает.

Задумался царевич: «В самом деле, ведь если бы кобыла ожеребилась, зачем бы жеребёнку под телегой лежать? Судья, кажется, правильно рассудил». В ту пору выбежала на крыльцо молодая жена царевича:

— Чей жеребёнок, легко узнать. Что тут долго думать!

— Как так — легко узнать? — спрашивает царевич.

— А вот так,— жена отвечает,— жеребёнок за матерью побежит... Ты со своей телегой поди налево,— говорит она богатому мужику,— а ты свою кобылу в другую сторону веди,— приказывает бедняку.

Так и сделали, и жеребёнок побежал за кобылой.

— Видишь,— говорит она царевичу,— не по правде судья суд судил!

И присудил царевич: отдать жеребёнка бедному мужику, а неправедного судью от должности отрешил.

Старый царь с царицей домой воротились. Стали ему бояре наговаривать:

— Без тебя, царь-государь, мужичья дочь, лапотница, все дела вершила, много верных слуг твоих от должности отрешила, а царевича совсем околдовала! Во всём он ей потакает, нас, бояр, и приказных людей ни во что не ставит.

Позвал старый царь невестку:

— Ты меня не послушалась, и за то тебе наказание: уходи куда знаешь!

Спрашивает она:

— Куда я пойду, как жить стану, когда моё самое дорогое здесь?

Старый царь думает: «Жемчугов да нарядов дорогих жалеет»,—и говорит:

— Бери всё, что хочешь, только уходи с глаз долой! Чтобы к утру тебя тут не было! — И приказал коней запрягать.

На другое утро спрашивает царь:

— Уехала ли лапотница?

— Уехала и царевича увезла,—отвечает дворецкий.

— Как так — царевича увезла? — закричал царь.

— Сказывала,—отвечает дворецкий,—что ты ей позволил взять самое дорогое, а дорожке мужа-де нет ничего.

Забушевал царь:

— Так ведь я про наряды думал! Сейчас же погоню послать, воротить назад!

Царевича с женой воротили. А как умер старый царь, заступил сын на царство и во всех делах советовался с мудрой женой.

ДЕВУШКА-ХВОЩИНКА

якутская сказка

говорят, однажды рано утром встала маленькая старушка, пяти коров хозяйка, и пошла в поле.

На широком поле увидела она хвощинку-траву с пятью отростками. Вырвала она хвощинку — не сломала ни корешка, ни одного отростка. Принесла хвощинку в юрту, положила на подушку. Потом вышла, села доить своих коров.

Сидит, и слышит — зазвенели в юрте бубенчики-колокольчики. Старушка бросила подойник, разлила молоко. Прибежала в юрту, — посмотрела — всё как было, всё на своём месте: на подушке хвощинка лежит, трава травой. Снова старушка вышла, села доить коров. Слышит — опять зазвенели бубенчики-колокольчики. Опять старушка пролила молоко. Прибежала, видит — сидит на постели девушка невиданной красоты: с глазами, как сверкающие драгоценные камни, с бровями, как два чёрных соболя. Это хвощинка превратилась в такую девушку.

Обрадовалась маленькая старушка. Говорит девушке:

— Будешь у меня вместо дочери?

Стали они вместе жить.

Однажды молодой охотник Харжит-Бергень отправился в тайгу. Увидел он серую белку и выстрелил в неё. Стрелял с раннего утра до заката солнца, а попасть всё не мог. Вскочила белка на ёлку, с ёлки — на берёзу, с берёзы перескочила на лиственницу.

Добежала белка до юрты маленькой старушки и уселась на сосну.

Харжит-Бергень подбежал к сосне и выстрелил в белку. Белка опять убежала, а стрела упала в дымовое отверстие юрты маленькой старушки.

— Старуха, вынеси стрелу, отдай мне! — крикнул Харжит-Бергень.

Но ответа не получил.

Рассердился Харжит-Бергень, покраснел от гнева. Вбежал в юрту.

Вбежал — и увидел красавицу девушку. От невиданной красоты её обмер, рассудок потерял. Потом, ни слова не сказав, выбежал, на лошадь вскочил, домой поскакал.

— Родители мои, — говорит, — у маленькой старушки, пяти коров хозяйки, такая хорошая девушка! Просите её мне в жёны!

Отец Харжит-Бергеня тут же послал людей на девяти конях за этой красавицей.

Прискакали посланцы к маленькой старушке, пяти коров хозяйке. Увидели девушку и обмерли от её красоты. Потом очнулись, вышли вон. Один, самый почтенный человек, остался.

— Маленькая старушка, — говорит, — отдай эту девушку молодому Харжит-Бергеню в жёны!

— Отдам, — ответила маленькая старушка.

Спросили у девушки, пойдёт ли она.

— Пойду, — сказала девушка.

— А калым такой, — говорит маленькая старушка, — пригоните мне столько лошадей и коров, чтобы тесно стало на моём поле.

Живо пригнали на её поле лошадей и коров. Столько пригнали, что и не сочтёшь.

Потом нарядили девушку, одели быстро и ловко. Привели чубарую¹ лошадь. Серебряной уздой взнуздали её, серебряным седлом оседлали, привесили сбоку серебряную плётку. Харжит-Бергень взял невесту за руку, вывел, на чубарую лошадь посадил, повёз домой. Едут они.

Вдруг увидел на пути лисицу. Не мог удержаться и говорит: — Поскачу я в тайгу за лисицей! Скоро вернусь. А ты поезжай по этой дороге. Дорога разойдётся на две стороны. На восток будет повешена соболья шкура, а на запад — шкура медведя с белой шеей. В ту сторону не сворачивай. Поезжай той дорогой, где повешена соболья шкура!

Сказал и ускакал.

Отправилась девушка дальше одна и доехала до того места, где дорога на две стороны расходится. Как доехала, так и позабы-

¹ Чубарая — пёстрая, с тёмными пятнами на светлой шерсти.

ла, что наказывал ей Харжит-Бергенъ. Поехала по той дороге, где повешена медвежья шкура, и приехала скоро к большой железной юрте.

Вышла из юрты дьяволова дочь, в железные одежды одетая, с одной кручёной ногой, с одной-единственной кручёной рукой, с одним, на самой середине лба, противным мутным глазом, с длинным чёрным языком, опущенным на грудь.

Схватила дьяволова дочь девушку, стащила с лошади, сорвала кожу с её лица и набросила на своё лицо; весь убор-наряд сняла с неё, сама в него оделась, девушку через юрту бросила. После того села дьяволова дочь на чубарую лошадь и поехала на восток.

Харжит-Бергенъ догнал её, когда она уже подъезжала к юрте его отца. Ничего он не заметил, ни о чем не догадался.

Все родные собрались встречать невесту. Девять молодцов вышли к коновязи, чтобы встретить невесту. Восемь девушек собрались у коновязи, чтобы встретить её. Говорили между собой:

— Как скажет невеста слово — красные бусинки посыплются, на землю упадут!

Чтобы бусы нанизывать, нитки припасли.

Молодцы думали:

«Где пойдёт невеста — по следам её чёрные соболи побегут».

Чтоб соболей стрелять, луки приготовили.

Невеста слово сказала — лягушки посыпались. Невеста шагнула — рыжие облезлые горностаи побежали. Все встречающие изумились, все опечалились.

От коновязи до юрты настлали зелёной травы. Взяли невесту за руки, повели в юрту.

Вошла она в юрту, разожгла в очаге огонь тремя верхушками молодых лиственниц. После этого устроили свадебный пир: пили, ели, играли, смеялись. Никто о подмене догадаться не мог.

Вскоре после того пришла маленькая старушка на своё поле коров доить. Смотрит — на том же месте снова выросла хвощинка-трава о пяти отростках, лучше прежней.

Старушка выкопала её с корнем, принесла в юрту, положила на подушку. Потом вышла, стала доить коров. Слышит — в юрте колокольчики-бубенчики зазвенели. Вошла в юрту и видит — сидит та же красавица девушка, только ещё красивее стала.

— Как ты пришла, как вернулась? — спросила маленькая старушка.

— Мать, — ответила девушка, — когда Харжит-Бергенъ повёз меня отсюда, он сказал мне: «За лисицей в лес поскачу, а ты поезжай по дороге, где повешена соболя шкура; на ту

дорогу, где повешена медвежья шкура, не сворачивай». Позабыла я это, поехала не в ту сторону и доехала до железной юрты. Вышла дьяволова дочь, сорвала с моего лица кожу, накрыла своё лицо. Весь мой наряд с меня стащила, сама в него оделась, меня через свою железную юрту бросила. Села она верхом на мою чубарую лошадь и поехала. Серые собаки схватили зубами моё тело и притащили в широкое поле возле твоей юрты. Тут я и выросла снова хвощинкой-травой. Как мне теперь увидеть Харжит-Бергеня?..

Маленькая старушка утешать её стала.

— Увидишь, встретишь,— говорит она,— а пока у меня живи, как раньше жила, дочерью моей будешь!

И стала девушка-хвощинка снова жить у маленькой старушки.

Проведала чубарая лошадь, что девушка-хвощинка ожила, стала отцу Харжит-Бергеня человеческим голосом говорить:

— Харжит-Бергенъ в пути оставил девушку одну. Доехала она до перекрёстка, свернула на ту дорогу, где висит медвежья шкура, и приехала к железной юрте. Из юрты дьяволова дочь выскочила. Содрала с её лица кожу, закрыла своё лицо, сняла весь убор-наряд её, убралась-нарядилась в него сама, а её через свою

железную юрту бросила. И живёт эта дьяволова дочь в твоей юрте, твоей невесткой стала. А моя хозяйка снова ожила. Возьмите её, приведите в юрту, отдайте сыну! А не то беда будет—дьяволова дочь и юрту и очаг ваш разрушит, жить вам не даст, погубит вас всех!

Старик услышал это и вбежал в юрту.

— Сын,— говорит старик Харжит-Бергеню,— откуда ты привёз себе жену?

— Я привёз дочь маленькой старушки.

На это отец сказал:

— Чубарая лошадь жалуется мне! Говорит, что ты оставил девушку одну. Говорит, что доехала она до того места, где дорога на две стороны расходится, и добра-

лась до железной юрты. Дьяволова дочь с лошади её стащила, с лица её кожу содрала, своё лицо закрыла, убралась-оделась в её наряды. Обманула всех, обманом приехала сюда! Пойди к маленькой старушке, упроси девушку вернуться к нам! Приведи её! А дьяволову дочь привяжи к хвосту дикого коня и выгони его в поле. Пусть разметет там её кости! А не то погубит она всех — и людей и скот!

Услыхала это дьяволова дочь — почернела вся.

Услыхал это Харжит-Бергень — покраснел от гнева. Схватил дьяволову дочь, вытащил из-за занавески за ногу, привязал к хвосту дикого коня.

Поскакал конь в широкое поле, стал бить дьяволову дочь копытами. Превратилось её чёрное тело в червей и гадов. Собрали их всех и сожгли.

После этого помчался Харжит-Бергень к маленькой старушке. Соскочил с коня у коновязи. Маленькая старушка увидела, выбежала из юрты, обрадовалась, точно потерявшийся нашёлся, точно умерший ожил. От коновязи до юрты постлала зелёной травы, лучшую, откормленную корову заколола, свадебный пир готовить стала.

Девушка-хвощинка взглянула на Харжит-Бергеня и заплакала:

— Зачем ты пришёл ко мне? Ты дал дочери восьминоного дьявола пролить мою кровь, разорвать мою тонкую кожу, отдал меня серым псам. После этого какую ты теперь жену отыскиваешь здесь. Девушек больше, чем окуней, женщин больше, чем хариусов¹. Ищи жену среди них! А я не пойду за тебя!

— Не отдавал я тебя дочери восьминоного дьявола! — говорит Харжит-Бергенъ. — Не отдавал на съедение серым псам! Поехал я в лес за лисицей, дорогу тебе я указал. Не говорил я тебе: «Ступай навстречу смерти!»

Маленькая старушка смахнула слёзы с обоих глаз на обе стороны, между девушкой и Харжит-Бергенем села:

— Как вы, после смерти ожив, после потери отыскавшись, не радуетесь? Опять один другого полюбите! Опять в дружбе живите! Никто из вас пусть моих слов не слушается!

Девушка согласилась, тихо сказала:

— Хорошо. Не слушаюсь тебя. Все забуду!

Харжит-Бергенъ вскочил, заплясал, запрыгал, обнимал её, целовал. Потом чубарую лошадь оседлали серебряным седлом, взнуздали серебряной уздой, покрыли серебряной попоной, привесили серебряную плётку. Девушку одели-нарядили, отправились в дорогу.

Долго ехали.

Узнавали зиму по снежной пороше.

Узнавали лето по дождю.

Узнавали осень по туману.

Так вот и ехали путём-дорогой.

Наконец к юрте отца приехали.

Все родичи, все девять братьев Харжит-Бергеня собрались встречать невесту. От коновязи до юрты устлали дорогу зелёной травой.

«Как приедет невеста, — думают, — будет она выступать-похаживать: где ступит — там будут соболи выскакивать».

Готовили они стрелы для этого и так работали, что с ладоней вся кожа слезла.

Восемь сестёр нитки сучили и так трудились, что с пальцев вся кожа сошла. Ждали они невесту, думали:

«Как войдёт она да звучно заговорит — посыплются изо рта её дорогие красные бусинки!»

Приехал Харжит-Бергенъ с невестой. У коновязи две девушки

¹Хариус — рыба северных рек.

привязали их лошадей за повод. Приняли невесту на руки, спустили ее на землю.

Звучно заговорила невеста — посыпались красные бусинки. Стали девушки собирать их, стали нанизывать на нитки.

Пошла невеста к юрте — чёрные соболи побежали по её следам.

Стали молодцы стрелять в соболей.

Вошла невеста в юрту, развела в очаге огонь тремя верхушками молодых лиственниц.

Устроили весёлый свадебный пир. Собрались гости из всех селений. Были тут певцы, были тут плясуны, были тут сказочники, были тут борцы, были тут и прыгуны...

Через три дня пир кончился, гости разошлись, разъехались. Харжит-Бергенъ с женой стал жить. Дружно жили, счастливо жили, долго жили. Говорят, внуки их живут до этого дня.

ДЛЯ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ПУТЕШЕСТВИЕ В СКАЗКУ

Сказки разных народов о любви

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.09.92. Формат 60×90¹/₈. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Балтика». Печать офсет. Усл. печ. л. 14,0. Усл. кр.-отг. 59,5. Уч.-изд. л. 8,86. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1516. Изд. № 1. С. 001. Издательство ТОО «Кристина», 121352, Москва, ул. Артамонова, 7. Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

